

Муниципальное автономное дошкольное
образовательное учреждение Киселевского городского округа
«Детский сад №62 компенсирующего вида»

Хрестоматия
к дополнительной общеобразовательной
общеразвивающей программе «Родник»
для детей дошкольного возраста (5 - 7 лет)

Составитель:
Учитель-дефектолог Паршукова Г.М.
Педагог-психолог Серикова О.Л.

Киселевск 2023

Пояснительная записка

Настоящая хрестоматия содержит литературно-художественные произведения для детей дошкольного возраста 5 -7 лет. Она является приложением к дополнительной общеобразовательной общеразвивающей программе «Родник»

При отборе произведений учитывались принципы доступности, художественности жанрового и тематического разнообразия, ориентации на нравственный идеал. Этим требованиям в достаточной мере соответствуют рассказы К.Д. Ушинского, Л.Толстого, В. Осеевой, И. Шмелёва, стихотворения А. Пушкина, А. Кольцова, А. Майкова, С. Чёрного, А. Фета.

Каждое произведение, вошедшее в сборник, призвано решать основную задачу развития личности, заключающуюся в ориентации на образцы нравственного совершенства.

Сказка про непослушного Алёшу

Жил на свете мальчик Алёша. Мальчик как мальчик, симпатичный такой, весёлый, жизнерадостный. И всё бы хорошо, но не умел этот Алёша тихо сидеть на занятиях в детском саду. Всё время мешал он воспитателю проводить занятия, мешал другим ребятам заниматься, постоянно всех перебивал, что-то выкрикивал. Как не объясняла ему Светлана Фёдоровна, воспитатель их группы, как не просили ребята не мешать слушать, ничего не помогало. Но вот однажды, когда мама уже забрала мальчика домой и уложила в тёплую кровать он заснул и ему приснился сон: идёт он по улице, а на лавочке сидит старичок, борода у старичка длинная и белая, а на голове колпак, одет он в длинный синий халат со звёздами, в руке трость, странный такой старичок. Подошёл к нему Алёша, присел рядом и спрашивает:

- А чего это вы дедуля так нарядились, у нас так не ходят?

Старичок ему отвечает:

- Я же тебя не спрашиваю, почему ты на занятиях никому заниматься не даёшь....

-А откуда вы это знаете? - удивился Алексей.

- Я про тебя всё знаю: как тебя зовут, в какой садик ходишь, как всех перебиваешь. Я добрый волшебник, зовут меня Неболтай, но непослушных ребят я не люблю, поэтому, как только ты захочешь перебить воспитателя или помешать ребятам заниматься, твой язычок перестанет тебя слушаться, и ты не сможешь ничего ответить, запомни это..., сказал это старичок и исчез.

Проснулся утром Алёша и как всегда отправился в детский сад. На занятии Светлана Фёдоровна задала Алёше вопрос по пройденной теме, но мальчик же ничего не слушал и не знал, что ответить, изо рта доносилось только невнятное мычание. Испугался Алёша и ложась вечером спать пообещал:

- Милый, добрый Неболтай я обещаю никогда больше не разговаривать на занятиях и внимательно всё слушать.

На следующий день он очень прилежно занимался, ответил лучше всех, и Светлана Фёдоровна его похвалила. Алёша довольный и гордый пошёл домой.

Лесной домик

Дедушка и десятилетний внук шли через большой лес.

Едва заметная тропинка извивалась между высокими деревьями.

Наступил вечер. Путники устали. Дедушка уже собрался расположиться на ночлег где-то под открытым небом, как вдруг мальчик увидел в чаще домик, что стоял возле лесной тропинки.

– Дедушка, вот хатка! – радостно воскликнул внук. – Может, в ней переночуем?

– Да, это домик для путников, – объяснил дедушка.

Они зашли в лесной домик. В нем было чисто, на деревянной стене висела веточка ели. По народному обычаю это означало гостеприимство: заходите, пожалуйста, уважаемые гости.

Дедушка и внук подошли к столу и увидели на нем свежий каравай хлеба и маленький кувшин с медом. На окне стояло ведро с водой. Дедушка и внук умылись и сели ужинать.

– Кто же это все поставил на стол? – спросил внук.

– Добрый человек, – ответил дедушка.

– Как же это так? – удивлялся внук. – Оставил нам добрый человек еду, а мы и не знаем, кто он. Для чего же он старался?

– Чтобы ты стал лучше, – ответил дедушка.

Толстой Л.Н.

Муравей и голубка

Муравей спустился к ручью: захотел напиться. Волна захлестнула его и чуть не потопила. Голубка несла ветку; она увидела — муравей тонет, и бросила ему ветку в ручей. Муравей сел на ветку и спасся. Потом охотник расставил сеть на голубку и хотел захлопнуть. Муравей подполз к охотнику и укусил его за ногу; охотник охнул и уронил сеть. Голубка вспорхнула и улетела.

Мораль: Надо помогать безвозмездно, не ожидая благодарности в ответ. У всех порой бывают трудные жизненные ситуации и помощь может прийти даже от самых слабых и беспомощных, на первых взгляд, людей

Эвенкийская сказка

Росомаха и лисица

Задумала старая росомаха со своим стариком новые места для жилья искать.

Слух прошёл, что за рекой и зверей много, и пищи больше.

Вот и решили они свой чум и всё своё добро через реку переправить и там поселиться.

Пошёл муж росомахи в лес берёсту драть, чтобы лодку сшить. А старуха своё добро в сумы сложила и села на берегу его поджидать.

Смотрит она - плывёт по реке лодочка, а в ней лисица.

Приплыла лисица к росомахе, узнала, в чём дело, и предложила переправить сумы с добром в своей лодочке. Обрадовалась росомаха, схватила сумы и потащила в лодку. До краёв поклажи набралось. Хочет росомаха и сама на сумы сесть.

- Погоди, - говорит лисица, - утонуть можно. Сначала я вещи перевезу, а потом и тебя.

Оттолкнулась лисица веслом от берега и поплыла по течению.

Всё дальше и дальше уплывает лисица. Поняла тогда росомаха, что обманула её хитрая лиса.

Села она на камень у воды и заплакала.

Летел мимо дятел и услышал, что росомаха плачет. Узнал он про горе росомахи и полетел за лисой.

Полетел напрямик, через лес. Обогнул он большой мыс, сел на сучок и ждёт, когда лисица до него доплывёт.

Видит - вдали лодка с лисой показалась. Поравнялась лодка с кустом - дятел притворился больным и просит:

- Лисичка, лисичка, возьми меня к себе в лодку!

Взяла его лиса в лодку. Спрятался дятел за сумами с добром, его и не видно.

Плывут они дальше. Лиса на корме сидит. А дятел уткнулся носом в лодку и долбит её незаметно. Тонкая берёста и прорвалась. Стала в лодку вода набираться.

- Что это? Никак, лодка течёт? - спрашивает лиса в испуге.

- И верно, течёт, - отвечает дятел, - должно быть, где-то на берёсте шов разошёлся.

Подъехали на лодке к берегу. Выскочила лисица и говорит дятлу:

- Ты вытаскивай поклажу из лодки, а потом и лодку на берег тащи. А я пока в лес пойду, еловой смолы поищу. Заделаем дырку и дальше поплывём.

Только лисица в лесу скрылась, дятел сложил прутики, заткнул ими дырку. Потом сел в лодку и поплыл обратно к росомахе.

Бежит лиса из лесу, смолу несёт. А лодка уже далеко по реке уплыла.

- Дятел! Разбойник! Вернись сейчас же!

- Нет, лисица, не вернись, - отвечает дятел. Приплыл дятел с добром к месту, где чум росомахи стоял.

Обрадовались старики.

- Ну, - говорит старик, - что же мы этому доброму дятлу в награду дадим?

И сшила старуха дятлу замшевую курточку, раскрасила её цветной глиной, а на голову пёструю шапочку надела!

Стал дятел нарядным, красивым.

А старик был хороший кузнец. Сковал он дятлу крепкий стальной нос и выточил когти.

С тех пор ходит дятел в пёстром наряде. А стальным носом самое крепкое дерево продолбить может

Русская народная сказка

Алёнушка и лиса

Жили-были старик со старухой. У них была внучка Алёнушка.

Собрались подружки идти в лес по ягоды и пришли её звать с собой. Долго старики не отпускали внучку. Потом согласились, только приказали ей не отставать от подруг.

Ходят девушки по лесу, собирают ягоды. Деревце за деревце, кустик за кустик — Алёнушка и отстала от подруг. Они аукали её, аукали, а девочка не слыхала.

Уже стало темно. Подружки ушли домой. Осталась Алёнушка одна. Влезла на дерево, стала громко плакать, приговаривать:

— Ау, ау! Алёнушка! Ау, ау! голубушка! У дедушки, у бабушки была одна внучка Алёнушка. Её девушки в лес заманили, заманивши, покинули.

Идёт медведь и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, батюшка-медведюшка, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили, заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нет, я тебя боюсь — ты меня съешь.

Медведь ушёл от неё. А Алёнушка опять принялась плакать, приговаривать:

— Ау, ау! Алёнушка! Ау, ау! голубушка!

Идёт волк и спрашивает:

— О чём ты, девочка, плачешь?

— Как мне, волк, не плакать. Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.

— Сойди, я тебя домой отнесу.

— Нет, я тебя боюсь — ты меня съешь.

Волк убежал, а девочка опять плачет, причитает:
— Ау, ау! Алёнушка! Ау, ау! голубушка!
Бежит мимо лиса, спрашивает:
— О чём ты, девочка, плачешь?
— Как мне, лисонька, не плакать! Я одна у дедушки, у бабушки внучка Алёнушка. Меня девушки в лес заманили; заманивши, покинули.
— Сойди, я тебя домой отнесу.
Девочка с дерева сошла, села на спину к лисе, и помчалась лиса с ней на деревню.
Прибежала к дому и стала хвостом стучать в дверь.
— Кто там?
— Это я, лиса, принесла вам внучку Алёнушку.
Обрадовались дедушка с бабушкой: — Ах ты, наша дорогая, войди в избу! Где нам тебя посадить? Чем тебя угостить?
Принесли молока, яиц; не знают, чем лису и потчевать.

Злая Волшебница

Жила-была девочка. И все любили ее, потому что она была веселая, добрая, внимательная. И везде, где бы она не появлялась, там сразу просыхали слезы, уходила грусть, люди начинали улыбаться и делать добрые дела: наводили порядок в доме и около него, сажали цветы и деревья, говорили друг другу добрые слова, пели песни и водили хороводы. И, самое главное, всюду был слышен смех, и расцветали улыбки. И от этого вокруг становилось все лучше и лучше.

А злая волшебница злилась еще больше: ведь ей бывает хорошо только когда вокруг все грустные, плачут, печалются и перестают делать хорошие дела. И тогда она решила сделать девочку злючкой. Долго думала злая волшебница, как ей сделать добрую девочку злой. И придумала украсть у девочки ее любимого медвежонка, по имени Мими и обмануть девочку.

Однажды встала Девочка утром, а ее любимого Мими нет в комнате. Она подумала, что он пошел погулять в сад около дома.

А злая волшебница стала ей говорить, что ее Мими ушел к другому ребенку, потому что Мими не хочет больше дружить с Девочкой. Девочка очень огорчилась. Как обрадовалась злая волшебница! Ведь теперь она может дать Девочке слезы, грусть, огорчение, обиду, злость - все, что имеет сама.

Девочка сначала не поняла, почему она ревет, если светит солнышко, поют птицы, кивают ей в приветствии своими головками цветы и ласкает

ветерок. Ей становилось все грустнее и грустнее. Вот уже и цветы опустили свои головки без воды, кошка мяукала без молока, а Девочка все ревела и ревела. Одна злая волшебница потирала руки и приговаривала: "А ты топни ножкой, да закричи погромче, а потом прогони кошку и вырви цветы, чтобы не ухаживать за ними. Тебя обидели, и ты обижай всех!"

Девочка уже протянула руку к цветам, как почувствовала на своей руке лучик солнца, который гладил ее. Она подняла голову, и ветерок высушил ее слезы, а кошка ласково потерлась о ее ноги. Все словно говорили Девочке: "Вспомни, ты же очень веселая и добрая девочка!"

А в это время все игрушки думали, как помочь Девочке, ведь они видели, кто спрятал Мими. Но злая волшебница их околдовала, и они не могли теперь разговаривать с Девочкой. И тогда они попросили веселого звонкого Мяча поиграть с Девочкой так, чтобы он привел ее к Мими. Мяч обожал свою хозяйку, поэтому с радостью бросился помогать ей.

Злая волшебница схватила Мяч и бросила его в речку, но же знаем, что не утонет в речке Мяч. Девочка была добрая. поэтому она удивилась, что на Мяч можно обижаться и злиться. Девочка посмотрела внимательно на злую волшебницу, затем на Мяч и поняла, что напрасно она слушала эту тетю.

И вместе с Мячом они быстро прибежали к Мими. И как только Девочка обняла своего Мими, то сразу закончилось колдовство.

Как обрадовалась Девочка, смеялись и разговаривали игрушки, а злая волшебница не смогла видеть их радость и навсегда убежала из этого города.

А Мими благодарил всех своих настоящих друзей-игрушек, которые помогли победить злую волшебницу и вернуться к своей хозяйке.

И с тех пор Девочка всегда знала, что никогда нельзя впускать в себя печаль, обиду, злость, чтобы ни случилось. А когда тебе бывает не очень весело, то всегда помни, что с тобой рядом верные и любящие тебя друзья! А злыми люди бывают потому, что они не умеют никого любить и у них нет настоящих друзей. И все у нее в жизни стало все просто замечательно!

Носова Галина

Сказка про краски

Принес мне краски дед Мороз
И для раскраски книжку.
И я тотчас к столу прирос,
На зависть всем мальчишкам.

Был на рисунке весь мой дар.
Взял красную сначала.

На море сильный был пожар
И море красным стало.

И долго тут не думал я,
Ведь я теперь богатый,
В полоску сделал воробья,
Похожим на пирата.

И полосатый воробей
Не потерял обиду.
Теперь пугал он всех зверей
Своим пиратским видом.

Любовь к животным так сильна,
Слон к нам приехал в гости,
А Тобик лаял на слона
И посинел от злости.

Его унять старался я
И посадил под кленом.
Слон испугался воробья
И стал совсем зеленым.

Здесь испугается любой,
И самый храбрый даже,
И поросенок голубой
Разгуливал по пляжу.

Горело море между тем,
Кипело и бурлило,
А небо, черное совсем,
Все солнышко закрыла.

И плыл по морю крокодил,
И раздвигая пламя,
На берег вышел крокодил
С горячими слезами.

Стоял и плакал крокодил

На берегу весь вечер.
А я по комнате ходил,
Утешить было нечем.

И я заплакал, должен я
Раскрасить крокодила.
Коробка кончилась моя,
Мне красок не хватило.

Михаил Лермонтов

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел,
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.

Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов,
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.

Он душу младую в объятиях нес
Для мира печали и слез;
И звук его песни в душе молодой
Остался — без слов, но живой.

И долго на свете томилась она,
Желанием чудным полна,
И звуков небес заменить не могли
Ей скучные песни земли.

Олеся Емельянова

Что такое хорошо, и что такое плохо

Гоша моет сам посуду,
Пылесосит пыль повсюду,
Может в магазин сходить,
Молоко и хлеб купить.
Помогает маме Гоша,
Значит, мальчик он хороший.

В переполненном трамвае
Едет бабушка хромая.
Нехороший мальчик Влад
От нее отвел свой взгляд.
А хороший мальчик Нил
Встал и место уступил.

Ян и Саша целый вечер
Вместе делали скворечник.
Рады домику скворцы,
Ян и Саша молодцы!

Мальчик маленький Егор
Вышел погулять во двор.
Нехороший мальчик Витя
Захотел его обидеть.
Но хороший мальчик Жора
Заступился за Егора.

Огорчает маму Юли
То, что дочь ее грязнуля –
Рук не моет и лица,
В лужу прыгает с крыльца.
Мама ей твердит со вздохом:
«Быть грязнулей очень плохо!»

Непоседливый Ванюша
Бабушку не хочет слушать –
Убегает со двора
И не спит, когда пора,
Кушать суп не хочет тоже.
Поступать, как он, негоже.

Нехороший мальчик Вася
Обзывает всех и дразнит:
«Петька-редька, Лизка-крыска –
На башке собачья миска...»
А ему в ответ любой:

«Сам ты, Васенька, такой!»

Вам невежливая Настя
Никогда не скажет «здрасьте»
И не выучит до старости
Слов «спасибо» и «пожалуйста».
Грубость всем ее обидна.
Быть невежливою стыдно.

Нехороший мальчик Лёня
Искупал щенка в бульоне.
Будьте Лёни вы добрей
И не мучайте зверей.

Любовались мы весь день,
Как цветет в саду сирень.
Но пришел плохой Джамал
И все ветки обломал.

Захотелось как-то Гале,
Чтобы Веру наказали.
Галя блюдечко взяла
И столкнула со стола,
А на Веру все свалила.
Поступать так плохо было.

Нам Иришка рассказала,
Что на венике летала,
Аж до самой до луны,
Там теперь следы видны.
Мы должны сказать Иришке:
«Очень плохо быть врунишкой!»

К Диме бабушка пришла,
Пять конфет ему дала.
Он один не съел конфеты –
Колю угостил и Свету,
И Валеру с Олей тоже.
Дима щедрый и хороший.

Поиграть Сережа с Филей
Мяч у Пети попросили.
Петя мячик свой не дал,
Хоть в него и не играл.
Будь ты взрослый или кроха
Жадничать, как Петя, плохо.

В разговоре с ним Федот
Слова вставить не дает.
Всех всегда перебивает,
Очень грубым он бывает.

Ловит бабочек Вадим,
Отрывает крылья им
И потом в траву бросает,
Где бедняжки умирают.
Он не просто хулиганчик,
А плохой, жестокий мальчик.

Девочка плохая Даша
Топчет ножками букашек,
Червяков и муравьев –
Смерть их радость для нее.
Делать, как она, негоже –
Ведь они живые тоже.

Сара Родины стыдится,
Жить мечтает за границей,
А хороший человек
Так не думает вовек.

Катя с Костей в грот пошли,
Приведенье там нашли.
Нехороший мальчик Костя
Убежал, а Катю бросил.
Плачет Катя: «Я боюсь!»
Костя друг плохой и трус.

Митя у реки играл,
В воду с берега упал.
Тут же следом прыгнул Стас,
Утопающего спас.
Стасу хлопаем в ладоши,
Он отважный и хороший.

Всё Алеше интересно –
Сколько в мире тел небесных,
Почему мокра вода,
Ток откуда в проводах.
Любознателен Алеша.
Он для всех пример хороший.

Вечно делает Егор
Всё другим наперекор.
Скажет мама: «Шарф надень!»
Не наденет целый день.
И таких примеров много.
Поперёшность – это плохо.

Неуступчивая Аня
Всех ослов переупрямит.
Дали чай. «Хочу компот!»
И сидит часами – ждет,
Но понять никак не хочет,
Быть упрямой плохо очень.

Привередливая Маша
Ест лишь без комочков кашу,
Молоко без пенки пьет,
Тост без корочек жует,
Чуть не так, всё бросит на пол,
Огорчая маму с папой.

Нехороший мальчик Лёва
Взял без спроса скейт у Вовы.
Вова скейт везде искал,
Думал, вор его украл.

Вы запомните, друзья,
Так вести себя нельзя.

Унесла в кармане Зина
Шоколад из магазина.
За него платить не стала.
Зина шоколад украла!
Но любому очевидно:
Плохо воровать и стыдно.

Петя вазу уронил
На пол и ее разбил,
Но, хоть очень испугался,
Врать не стал и сам признался.
Папа Петю пожурил,
Но за честность похвалил.

Ян уселся на паркете,
Мыть полы мешает Свете.
Просит Света брата: «Встань!»
Тот в ответ кричит: «Отстань!»
Нехороший мальчик Ян –
Настоящий грубиян!

Попросила мать Ренату
Последить за младшим братом,
А Рената одного
В парке бросила его
И ушла к подружке Рае.
Так плохие поступают.

Попросила мама Надю
Юбку утюгом погладить.
Наденька утюг взяла,
Юбку новую сожгла.
Каждый согласится, плохо
Быть такою неумёхой.

У себя в подъезде Гена

Исписал мелками стену.
Все потом его ругали,
Нехорошим называли.
Чтоб опять хорошим быть,
Должен стену он отмыть.

Плохо поступил Кирилл –
Сигарету закурил.
А хороший мальчик Даня
Рассказал про это маме.
Он не ябеда для нас,
Он здоровье брата спас.

Сеня Машеньку толкнул,
Но и глазом не моргнул,
Даже не остановился,
Перед ней не извинился.
А ведь должен Сеня знать,
Что так плохо поступать.

Папу попросил Филиппка
Подарить живую рыбку.
И уже сто двадцать дней
Сам заботится о ней.
Папа похвалил сынишку,
Он ответственный мальчишка.

Даже малышам известно,
Надо вещи класть на место.
Только вот неряха Алла
Всё бросает, где попало.
Но ведь девочке хорошей
Так вести себя негоже.

Нехороший мальчик Прошка
Бросил фантик на дорожку,
А хороший мальчик Осип
Фантик прямо в урну бросил,
Ведь не следует ребенку

Поступать, как поросенку.

Наигравшись в куклы, Майя
В шкаф игрушки убирает,
И ни супа, ни торта
Не пронесит мимо рта,
Одевается опрятно.
Хорошо быть аккуратной!

Лежебоку Алевтину
Не заставишь встать с перины.
Спит весь день и ест до пота,
Остальное неохота.
Жаль, понять она не хочет,
Быть лентяйкой плохо очень.

Каждый, с кем знакома Луша,
Скажет, что она – копуша.
Целый час встает с постели,
Чистит зубы еле-еле,
Ест свой завтрак до обеда...
Без сомненья, плохо это.

Сострадательная Лида
Дверь открыла инвалиду,
Ведь его коляске тесно
Заезжать в проем подъезда.
Инвалид сказал: «Спасибо!»
Славно поступила Лида.

Фрол готов дружить с Игнаткой
За четыре шоколадки,
За велосипед – со Светой,
С Валентином – за конфеты,
С Мишей – за его бульдога.
Фрол корыстный, это плохо.

Нравится плохому Вове
Постоянно сквернословить,

Оскорблять всех и ругать,
В ужас взрослых повергать.
Как не понимает только,
Что во рту его помойка.

Если кто обидит Тоню,
На всю жизнь она запомнит,
Не прощает никого,
Всех считает за врагов,
Их у Тони очень много.
Быть злопамятною плохо.

Боря книжек не читает,
Лишь гуляет и играет.
Что ни спросишь у него,
Он не знает ничего.
Мозг его покрылся мохом.
Боря глупый. Это плохо.

Мама Олю кормит с ложки,
Надевает ей сапожки,
А ведь Оля не мала,
Делать всё сама б могла,
Но она сама не хочет.
Поступать так плохо очень!

Эгоист Илларион
Чересчур самовлюблен.
Только о себе печется,
На других не отвлечется,
Знает только слово «Я».
Так вести себя нельзя.

Может Афанасий смело
Взяться за любое дело.
Надо сдать тест к четвергу,
Говорит он: «Я смогу!»
Хорошо всегда везде
Быть уверенным в себе.

Говорит Аленка Владу:
«Не садись со мною рядом,
А не то портфелем тресну!»
Но за партой ведь два места.
Нехорошая Аленка,
Очень вредная девчонка!

Убедил себя Олег,
Что во всем он лучше всех.
Он с другими не играет,
Нос до неба задирает.
О себе мнит очень много,
Но гордыня – это плохо.

Нехорошая Эльвира
Хулиганка и задира –
Мирно мимо не пройдет,
Всё до драки доведет.
Люда с Диной с ней не дружат,
Ведь она мальчишек хуже.

Есть у Вани пистолет,
А у Митрофана нет.
Митрофан страдает очень,
Пистолет такой же хочет.
С Ваней он теперь не дружит.
Чувства зависти нет хуже!

Плохо поступает Тит –
Очень громко он шумит.
Думают его соседи,
Что вверху живут медведи,
Слон и с ними троглодит,
Но живет там только Тит.

Улыбается Сережа,
И ему в ответ все тоже,
Улыбаться ж хмурой Жанне

Нет ни у кого желанья.
Плохо, даже и не спорьте,
Настроенье людям портить.

Саша кошелек нашел,
С ним в полицию пошел.
Не присвоил ничего,
Кошелек ведь не его.
Поступил он честно, значит,
Сашенька хороший мальчик.

Получив подарок, Дуня
Сразу побежала к Груне:
«У меня велосипед,
У тебя такого нет!»
Не веди себя, как Дуня,
Очень плохо быть хвастуньей.

Коля с Толей вдоль реки
Плыли наперегонки.
Очень рассердился Толя,
Что приплыл быстрее Коля,
Другу он теперь не рад,
Хоть во всем сам виноват.

За прыжки с трамплина вниз
Таня получила приз,
Но, сошедши с пьедестала,
Похваляться им не стала.
Скромность Таню украшает
И другим не помешает.

Леночка, подруга Светы,
В Крым уехала на лето.
Света сразу же пошла,
Друга нового нашла.
Не нужна ей больше Лена.
Света – друг плохой, неверный.

Вячеслав – плохой мальчонка,
Сильно злится на сестренку –
Все вниманье в доме ей,
Ведь сестренке двадцать дней.
Но в семье хорошей дружной
Всем любить друг друга нужно!

Ян разбил Денису нос,
Тот обиделся до слез.
Ян прощенья попросил,
И Денис его простил.
Зло копить в себе не нужно,
Лучше быть великодушным.

Яков примеряет платя,
С куклой Барби спит в кровати,
Как девчонка, три часа
Губы красит и глаза,
Плачет, чуть ударив пальчик.
Делать так не должен мальчик.

Лёля номер свой дала,
Но представить не могла.
Что звонить ей будет Стас
По пятнадцать раз за час.
От него ей нет покоя.
Быть назойливым не стоит.

Шел на спортплощадку Витя,
Кошку во дворе увидел,
Постоял, разинув рот,
И забыл, куда идет.
Чтоб, как он, всё не забыть,
Нужно собраннее быть.

Что бы ни сказала мама,
Жене, как по барабану.
Скажет: «Встань!», а он лежит.
Скажет: «Стой!», а он бежит.

С Женей никакого сладу,
Поступать, как он, не надо.

Эля жарила котлеты,
Вдруг ей позвонила Света.
Эля от плиты ушла,
И котлеты все сожгла.
Мы Эльвире скажем дружно:
Разгильдяйкой быть не нужно!

Федя папе помогал –
Инструменты подавал,
Вымыл маме всю посуду,
Выгулял собаку Люды,
Объяснил примеры Гоше.
Федя сын и друг хороший.

Любит вредина Андрей
Доводить других детей:
То панамку чью-то спрячет,
То на крышу бросит мячик,
То наклепит всем жевачек.
Он противный, гадкий мальчик.

Потерпел Влад неудачу –
Не сумел решить задачу.
Владик не пошел гулять,
Сел решать ее опять
И решил. Похвалим Влада,
Добиваться цели надо.

Абдула чернее ночи,
Кузя дать ему в нос хочет,
Потому что цветом кожи
С Абдулой они не схожи.
Поступает он неверно,
Быть расистом очень скверно.

С дерева упала кошка

И себе сломала ножку.
Пожалела кошку Алла,
Ножку ей забинтовала.
Добрые к живым созданиям
Проявляют состраданье.

Под присмотром Ян хороший,
Без присмотра – сорванец:
Он за хвост тягает кошку,
Из окна бросает ложки,
Ставит девочкам подножки.
Он совсем не молодец.

Не наденет мальчик Пашка
В гости мятую рубашку,
Брюки с дырками везде,
Свитер в пятнах и в еде.
Он всегда одет опрятно,
На него смотреть приятно.

Гена хочет, чтоб Россия
Государством стало сильным.
Ради этого готов
Он трудиться в сто потов.
Быть должна любовь к Отчизне
Для хороших смыслом жизни.

Папу Ира дома ждет:
«Ну, когда же он придет?»
Бегает туда-сюда
И канючит: «Ну, когда?»
Чтоб стать лучше и счастливей,
Ей быть нужно терпеливей.

У Олеси на пороге
Коврик «Вытирайте ноги!»
Но пришла к ней в дом Аринка
С тонной грязи на ботинках.
И такое поведение

Вызывает сожаленье.

Сидя рядом на диване,
Укусил Максимка Маню
И за ручку и за нос.
Но он мальчик, а не пёс.
Должен сам бы догадаться,
Что нехорошо кусаться.

В новогоднюю пургу
Плохо птичкам на снегу.
И для них Максимка с Лушкой
Вместе сделали кормушку.
Птицы думают, что эти
Дети лучшие на свете.

Очень нравится Петрушке
Все подряд ломать игрушки.
Загляни к нему домой,
Нету целой ни одной.
Пётр плохой, небережливый,
Поступать так некрасиво!

Как букашка по линейке,
Ходит Лада по скамейке.
На нее теперь не сесть,
Грязных там следов не счесть.
Вы должны запомнить, братцы,
Так негоже баловаться.

На спектакль пришла Наташа
И кричит, руками машет.
Слез со сцены к ней медведь:
«Не мешай другим смотреть!
Не шуми здесь, как в лесу,
А не то в лес унесу!»

Обещала Глебу Ника
Угостить его клубникой,

Но с подружкой убежала,
Обещанье не сдержала,
Слово данное забыла.
Поступать так плохо было.

Витя о бордюр споткнулся,
На асфальте растянулся
И помчался по двору
С криком: «Я сейчас умру!»
Из-за ссадины на коже
Так паниковать негоже.

Рано утром на балкон,
С пистолетом вышел Дрон.
Хоть патроны из пластмассы,
Но от них страданий масса –
Больно Мите, больно Юле,
Больно кошке, больно гуле.

Верочка на именины
Пригласила Серафима.
Без подарка он пришел,
Слов поздравить не нашел.
Очень Верочке обидно,
А ему должно быть стыдно.

Где-то подхватил Архип
Сверхзаразный супергрипп,
Но не стал сидеть с ним дома,
В гости поспешил к знакомым.
Все они теперь чихают
И Архипа упрекают.

Брат Антон сестренку Таю
На колясочке катает,
И, заглядывая в глазки,
Ей рассказывает сказки,
Что ему читала мама.
Брат Антон хороший самый!

Марк за мамой словно хвостик,
Ходит в магазин и в гости,
Не отпустит ни на миг –
Сразу в слезы, сразу в крик.
Ясно всем на их пути:
Так нельзя себя вести!

Фрол включил магнитофон
Так, чтоб слышал целый дом,
И, чтоб все, кто дома были,
От такого шума взвыли.
Ни к чему весь этот грохот,
Раздражать соседей плохо.

Родион играл в собаку:
Встал на четвереньки на пол,
Тапки папы покусал,
Вещи мамы разбросал –
Просто, чтобы не скучать.
Плохо так озорничать.

Мальчик Сидор очень умный,
Списывать дает Науму,
Из-за этого Наум
Свой не развивает ум.
Мальчик Сидор, спору нет,
Причиняет другу вред.

Поступает мальчик Петя,
Будто он один на свете –
Всё, что нравится, берет
И назад не отдает,
Совесьть Петю не тревожит –
Эгоист он нехороший.

Очень долго был Ефим
Мальчиком совсем плохим,
Хулиганом безнадежным,

Но однажды стал хорошим.
Может он собой гордиться,
Ведь способен измениться.

Все события на планете
Видит Фока в черном цвете.
В небе облака летят,
Фока хнычет: «Будет град!»
А, увидев вертолет,
Всем кричит: «Щас упадет!»
Хватит, Фока, громко охать,
Ведь унынье это плохо!

Как проснется утром Лана
Начинает строить планы,
Как она другим поможет,
Всех злодеев уничтожит...
Это в мыслях, а на деле,
Целый день лежит в постели.
Только, чтоб героем стать,
Надо делать, не мечтать!

Влас боится неудач –
Что в кольцо не бросит мяч,
Что не слепит бегемота,
Что не склеит самолета,
Что с задачей не справится,
Так что даже не пытается.
У него плохой настрой.
Планы неудач не строй!

Посадила детвора
Астры посреди двора.
Но Эмилия пришла
И цветы все сорвала.
Унесла к себе домой,
Чтоб посмотреть на них одной.
«Ай-яй-яй!» – мы скажем тут,
Ведь цветы для всех цветут!

Рассказала Лизавета
Вике все свои секреты.
Лиза к Инне побежала,
Тайны Вики разболтала.
Не хранит она секреты,
Все мы знаем, плохо это!

Загрустили у Антошки
Все цветочки на окошке –
Хочется цветочкам пить,
Надо их водой полить.
Так и поступил Антоша,
Значит мальчик он хороший.

Тим с утра играл в приставку.
Мама позвала на завтрак,
Он в ответ: «Сейчас, сейчас...»,
А пришел лишь через час.
Лучше что – на кнопки жать
Или мам не обижать?

Ким на день рожденья к Жене
Сам пришел, без приглашенья,
Именинника толкнул,
Свечи на торте задул.
Скажем мы плохому Киму:
Наглым быть недопустимо.

Игорёк уроки делал,
Рядом Глеб сидел без дела
И дразнился: «Игорёк,
Подари мне пузырьёк!
Ты же мой товарищ,
Пузырек подаришь?»
Лучше б не мешался,
Сам позанимался.

Ф. Тютчев

Есть в осени первоначальной

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора -
Весь день стоит как бы хрустальный,
И лучезарны вечера...

Где бодрый серп гулял и падал колос,
Теперь уж пусто всё - простор везде,-
Лишь паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

Пустеет воздух, птиц не слышно боле,
Но далеко ещё до первых зимних бурь -
И льётся чистая и тёплая лазурь
На отдыхающее поле...

Уж небо осенью дышало

А.С. Пушкин

Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Богатырская сказка

Илья Муромец и Соловей - разбойник

Скачет Илья Муромец во всю конскую прыть. Его конь, Бурушка-Косматушка с горы на гору перескакивает, реки-озера перепрыгивает, холмы перелетает. Доскакали они до Брынских лесов, дальше Бурушке скакать нельзя: разлеглись болота зыбучие, конь по брюхо в воде тонет. Соскочил Илья с коня. Он левой рукой Бурушку поддерживает, а правой рукой дубы с корнем рвет, настиляет через болото настилы дубовые. Тридцать верст Илья настилов настелил - до сих пор по ним люди добрые ездят.

Так дошел Илья до речки Смородиной. Течет река широкая, бурливая, с камня на камень перекачивается. Заржал конь Бурушка, взвился выше темного леса и одним скачком перепрыгнул реку. А за рекой сидит Соловей-разбойник на трех дубах, на девяти суках. Мимо тех дубов ни сокол не пролетит, ни зверь не пробежит, ни змей не проползет. Все боятся Соловья-разбойника, никому умирать не хочется... Услыхал Соловей конский скок, привстал на дубах, закричал страшным голосом:

- Что это за невежа проезжает тут, мимо моих заповедных дубов? Спать не дает Соловью-разбойнику!

Да как засвищет он по-соловьиному, зарычит по-звериному, зашипит по-змеиному, так вся земля дрогнула, столетние дубы покачнулись, цветы осыпались, трава полегла. Бурушка-Косматушка на колени упал. А Илья в седле сидит, не шевельнется, русые кудри на голове не дрогнут. Взял он плетку шелковую, ударил коня по крутым бокам.

- Травяной ты мешок, не богатырский конь. Не слыхал ты разве писка птичьего, шипения гадючьего. Вставай на ноги, подвези меня ближе к Соловьиному гнезду, не то волкам тебя брошу на съедение.

Тут вскочил Бурушка на ноги, подскакал к Соловьиному гнезду. Удивился Соловей-разбойник

- Это что такое?

Из гнезда высунулся. А Илья, ни минуточки не мешкая, натянул тугой лук, спустил каленую стрелу, небольшую стрелу, весом в целый пуд. Взвыла тетива, полетела стрела, угодила Соловью в правый глаз, вылетела через левое ухо. Покатился Соловей из гнезда, словно овсяной сноп. Подхватил его Илья на руки, связал крепко ремнями сыромятными, подвязал к левому стремени.

Глядит Соловей на Илью, слово вымолвить боится.

- Что глядишь на меня, разбойник, или русских богатырей не видывал?

- Ох, попал я в крепкие руки, видно не бывать мне больше на волюшке!

Поскакал Илья дальше по прямой дороге и прискакал на подворье Соловья-разбойника. У него двор на семи верстах, на семи столбах, у него вокруг железный тын, на каждой тычинке по маковке, на каждой маковке голова богатыря убитого. А на дворе стоят палаты белокаменные, как жар горят крылечки золоченые.

Увидала дочка Соловья богатырского коня, закричала на весь двор:

- Едет, едет наш батюшка Соловей Рахманович, везет у стремени мужичишку-деревенщину.

Выглянула в окно жена Соловья-разбойника, руками всплеснула:

- Что ты говоришь, неразумная! Это едет мужик-деревенщина и у стремени везет нашего батюшку - Соловья Рахмановича!

Выбежала старшая дочка Соловья - Пелька - во двор, ухватила доску железную, весом в девяносто пудов и метнула ее в Илью Муромца. Но Илья ловок да увертлив был, отмахнулся он от доски богатырской рукой, полетела доска обратно, попала в Пельку и убила ее до смерти. Бросилась жена Соловья Илье в ноги:

- Ты возьми у нас, богатырь, серебра, золота, бесценного жемчуга, сколько может увезти твой богатырский конь, отпусти только нашего батюшку, Соловья-разбойника.

Говорит ей Илья в ответ:

- Мне подарков неправедных не надобно. Они добыты слезами детскими, они политы кровью русскою, нажиты нуждой крестьянскою. Как в руках разбойник - он всегда тебе друг, а отпустишь - снова с ним наплачешься. Я свезу Соловья в Киев-город, там на квас пропью, на калачи проем.

Повернул Илья коня и поскакал к Киеву. Приумолк Соловей, не шелохнется. Едет Илья по Киеву, подъезжает к палатам княжеским. Привязал он коня к столбику точеному, оставил на нем Соловья-разбойника, а сам пошел в светлую горницу. Там у князя Владимира пир идет, за столами сидят богатыри русские. Вошел Илья, поклонился, стал у порога:

- Здравствуй, князь Владимир с княгиней Апраксией, принимаешь ли к себе заезжего молодца?

Спрашивает его Владимир Красное Солнышко:

- Ты откуда, добрый молодец, как тебя зовут? Какого ты роду-племени?

- Зовут меня Ильей. Я из-под Мурома. Крестьянский сын из села Карачарова. Ехал я из Чернигова дорогой прямой, широкой. Я привез тебе, князь, Соловья-разбойника, он на твоём дворе у коня моего привязан. Ты не хочешь ли поглядеть на него?

Повскакали тут с мест князь с княгинею и все богатыри, поспешили за Ильей на княжеский двор. Подбежали к Бурушке-Косматушке. А разбойник висит у стремени, травяным мешком висит, по рукам-ногам ремнями связан. Левым глазом он глядит на Киев и на князя Владимира.

Говорит ему князь Владимир:

- Ну-ка засвищи по-соловьиному, зарычи по-звериному!

Не глядит на него Соловей-разбойник, не слушает:

- Не ты меня с бою брал, не тебе мне приказывать.

Просит тогда Владимир-князь Илью Муромца:

- Прикажи ты ему, Илья Иванович.

- Хорошо, только ты на меня, князь, не гневайся, закрою я тебя с княгинею полами моего кафтана крестьянского, не то, как бы беды не было. А ты, Соловей Рахманович, делай, что тебе приказано.

- Не могу я свистеть, у меня во рту запеклось.

- Дайте Соловью чару сладкого вина в полтора ведра, да другую пива горького, да третью меду хмельного, закусить дайте калачом ржаным, тогда он засвищет, потешит нас...

Напоили Соловья, накормили, приготовился Соловей свистать.

- Ты смотри, Соловей, - говорит Илья, - ты не смей свистать во весь голос, а свистни ты полусвистом, зарычи полурыком, а то будет худо тебе.

Не послушал Соловей наказа Ильи Муромца, захотел он разорить Киев-город, захотел убить князя с княгинею и всех русских богатырей. Засвистел он во весь соловьиный свист, заревел во всю мочь, зашипел во весь змеиный шип.

Что тут сделалось! Башенки на теремах покривились, крылечки от стен отвалились, стекла в горницах полопались, разбежались кони из конюшен, все богатыри на землю упали, на четвереньках по двору расползлись. Сам князь Владимир еле живой стоит, шатается, у Ильи под кафтаном прячется.

Рассердился Илья на разбойника:

- Я велел тебе князя с княгиней потешить, а ты сколько бед натворил. Ну, теперь я с тобой за все рассчитаюсь. Полно тебе обижать отцов-матерей, полно вдовить молодухек, сиротить детей, полно разбойничать. Взял Илья саблю острую и отрубил Соловью голову. Тут и конец Соловья настал.

- Спасибо тебе, Илья Муромец, - говорит Владимир-князь. - Оставайся в моей дружине, будешь старшим богатырем, над другими богатырями начальником. И живи ты у нас в Киеве, век живи, отныне и до смерти.

Про Добрыню Никитича и Змея Горыныча

Былина

Жила-была под Киевом вдова Мамелфа Тимофеевна. Был у нее любимый сын богатырь Добрынюшка. По всему Киеву о Добрыне слава шла: он и статен, и высок, и грамоте обучен, и в бою смел, и на пиру весел. Он и песню сложит, и на гусях сыграет, и умное слово скажет. Да и нрав Добрыни спокойный, ласковый, никогда он грубого слова не скажет, никого зря не обидит. Недаром прозвали его «тихий Добрынюшка».

Вот раз в жаркий летний день захотелось Добрыне в речке искупаться. Пошел он к матери Мамелфе Тимофеевне:

- Отпусти меня, матушка, съездить к Пучай-реке, в студеной воде искупаться, истомила меня жара лет няя.

Разохалась Мамелфа Тимофеевна, стала Добрыню отговаривать:

- Милый сын мой Добрынюшка, ты не ездил к Пучай-реке. Пучай-река свирепая, сердитая. Из первой струйки огонь сечет, из второй струйки искры сыплются, из третьей струйки дым столбом валит.

- Хорошо, матушка, отпусти хоть по берегу поездить, свежим воздухом подышать.

Отпустила Добрыню Мамелфа Тимофеевна.

Надел Добрыня платье дорожное, покрылся высокой шляпой греческой, взял с собой копье да лук со стрелами, саблю острую да плеточку.

Сел на доброго коня, позвал с собой молодого слугу да в путь и отправился. Едет Добрыня час-другой, жарко палит солнце летнее, припекает Добрыне голову. Забыл Добрыня, что ему матушка наказывала, повернул коня к Пучай-реке.

От Пучай-реки прохладой несет.

Соскочил Добрыня с коня, бросил поводья молодому слуге.

- Ты постой здесь, покарауль коня.

Снял он с головы шляпу греческую, снял одежду дорожную, все оружие на коня сложил и в реку бросился.

Плывет Добрыня по Пучай-речке, удивляется:

- Что мне матушка про Пучай-реку рассказывала? Пучай-река не свирепая, Пучай-река тихая, словно лужица дождевая.

Не успел Добрыня сказать – вдруг потемнело небо, а тучи на небе нет, и дождя-то нет, а гром гремит, и грозы-то нет, а огонь блестит...

Поднял голову Добрыня и видит, что летит к нему Змей Горыныч, страшный змей о трех головах, о семи хвостах, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, медные когти на лапах блестят.

Увидал Змей Добрыню, громом загредел:

- Эх, старые люди пророчили, что убьет меня Добрыня Никитич, а Добрыня сам в мои лапы пришел. Захочу теперь – живым сожру, захочу – в свое логово унесу, в плен возьму. Немало у меня в плену русских людей, не хватало только Добрыни.

А Добрыня говорит тихим голосом:

- Ах ты, змея проклятая, ты сначала возьми Добрынюшку, а потом и хвастайся, а пока Добрыня не в твоих руках.

Хорошо Добрыня плавать умел, он нырнул на дно, поплыл под водой, вынырнул у крутого берега, выскочил на берег да к коню своему бросился. А коня и след простыл: испугался молодой слуга рыка змеиного, вскочил на коня, да и был таков. И увез все оружие Добрынино.

Нечем Добрыне со Змеем Горынычем биться.

А Змей опять к Добрыне летит, сыплет искрами горячими, жжет Добрыне тело белое.

Дрогнуло сердце богатырское.

Поглядел Добрыня на берег – нечего ему в руки взять: ни дубинки нет, ни камешка, только желтый песок на крутом берегу, да валяется его шляпа греческая.

Ухватил Добрыня шляпу греческую, насыпал в нее песку желтого ни много ни мало – пять пудов, да как ударит шляпой Змея Горыныча – и отшиб ему голову.

Повалил он Змея с размаху на землю, придавил ему грудь коленками, хотел отбить еще две головы...

Как взмолился тут Змей Горыныч:

- Ох, Добрынюшка, ох, богатырь, не убивай меня, пусти по свету летать, буду я всегда тебя слушаться. Дам тебе я великий обет: не летать мне к вам на широкую Русь, не брать в плен русских людей. Только ты меня помилуй, Добрынюшка, и не трогай моих змеенышей.

Поддался Добрыня на лукавую речь, поверил Змею Горынычу, отпустил его проклятого.

Только поднялся Змей под облака, сразу повернул к Киеву, полетел к саду князя Владимира. А в ту пору в саду гуляла молодая Забава Путятишна, князя Владимира племянница. Увидал Змей княжну, обрадовался, кинулся на нее из-под облака, ухватил в свои медные когти и унес на горы Сорочинские.

В это время Добрыня слугу нашел, стал надевать платье дорожное, - вдруг потемнело небо, гром загредел. Поднял голову Добрыня и видит: летит Змей Горыныч из Киева, несет в когтях Забаву Путятишну!

Тут Добрыня запечалился – запечалился, закручинился, домой приехал нерадостен, на лавку сел, слова не сказал.

Стала его мать расспрашивать:

- Ты чего, Добрынюшка, невесел сидишь? Ты об чем, мой свет, печалишься?

- Ни об чем не кручинюсь, ни об чем я не печалюсь, а дома мне сидеть невесело. Поеду я в Киев к князю Владимиру, у него сегодня веселый пир.

- Не езжай, Добрынюшка, к князю, недоброе чует мое сердце. Мы и дома пир заведем.

Не послушался Добрыня матушки и поехал в Киев к князю Владимиру.

Приехал Добрыня в Киев, прошел в княжескую горницу. На пиру столы от кушаний ломаются, стоят бочки меда сладкого, а гости не едят, не пьют, опустив головы сидят.

Ходит князь по горнице, гостей не потчует. Княгиня фатой закрылась, на гостей не глядит.

Вот Владимир-князь и говорит:

- Эх, гости мои любимые, невеселый у нас пир идет! И княгине горько, и мне нерадостно. Унес проклятый Змей Горыныч любимую нашу племянницу, молодую Забаву Путятишну. Кто из вас съездит на гору Сорочинскую, отыщет княжну, освободит ее?!

Куда там! Прячутся гости друг за дружку, большие за средних, средние за меньших, а меньшие и рот за крыли.

Вдруг выходит из-за стола молодой богатырь Алеша Попович.

- Вот что, князь Красное Солнышко, был я вчера в чистом поле, видел у Пучай-реки Добрынюшку. Он со Змеем Горынычем побратался, назвал его братом меньшим. Ты пошли к Змею Добрынюшку. Он тебе любимую племянницу без бою у названного братца вы просит.

Рассердился Владимир-князь:

- Коли так, садись, Добрыня, на коня, поезжай на гору Сорочинскую, добывай мне любимую племянницу. А не добудешь Забавы Путятишны – прикажу тебе голову срубить!

Опустил Добрыня буйну голову, ни словечка не ответил, встал из-за стола, сел на коня и домой поехал.

Вышла ему навстречу матушка, видит – на Добрыне лица нет.

- Что с тобой, Добрынюшка, что с тобой, сынок, что на пиру случилось? Обидели тебя или чарой обнесли, или на худое место посадили?

- Не обидели меня, и чарой не обнесли, и место мне было по чину, по званию.

- А чего же ты, Добрыня, голову повесил?

- Велел мне Владимир-князь сослужить службу великую: съездить на гору Сорочинскую, отыскать и добыть Забаву Путятишну. А Забаву Путятишну Змей Горыныч унес.

Ужаснулась Мамелфа Тимофеевна, да не стала плакать и печалиться, а стала над делом раздумывать.

- Ложись-ка, Добрынюшка, спать поскорей, набирайся силушки. Утро вечера мудреней, завтра будем совет держать.

Лег Добрыня спать. Спит, храпит, что поток шумит.

А Мамелфа Тимофеевна спать не ложится, на лавку садится и плетет всю ночь из семи шелков плеточку-семихвосточку.

Утром-светом разбудила мать Добрыню Никитича:

- Вставай, сынок, одевайся, обряжайся, иди в старую конюшню. В третьем стойле дверь не открывается, наполовину в навоз ушла.

Понатужься, Добрынюшка, отвори дверь, там увидишь дедова коня Бурушку. Стоит Бурка в стойле пятнадцать лет, по колени ноги в навоз ушли. Ты его почисти, накорми, напои, к крыльцу приведи.

Пошел Добрыня в конюшню, сорвал дверь с петель, вывел Бурушку, привел ко крыльцу. Стал Бурушку заседлывать. Положил на него потничек, сверху потничка войлочек, потом седло черкасское, ценными шелками вышитое, золотом изукрашенное, подтянул двенадцать подпруг, зауздал золотой уздой. Вышла Мамелфа Тимофеевна, подала ему плетку-семихвостку:

- Как приедешь, Добрыня, на гору Сорочинскую, Змея Горыныча дома не случится. Ты конем налети на логово и начни топтать змеенышей. Будут змееныши Бурке ноги обвивать, а ты Бурку плеткой меж ушей хлещи. Станет Бурка подскакивать, с ног змеенышей отряхивать и всех притопчет до единого.

Отломилась веточка от яблони, откатилось яблоко от яблоньки, уезжал сын от родимой матушки на трудный, на кровавый бой.

День уходит за днем, будто дождь дождит, а не неделя за неделей как река бежит. Едет Добрыня при красном солнышке, едет Добрыня при светлом месяце, выехал на гору Сорочинскую.

А на горе у змеиного логова кишма кишат змееныши. Стали они Бурушке ноги обвивать, стали копыта подтачивать. Бурушка скакать не может, на колени падает. Вспомнил тут Добрыня наказ матери, выхватил плетку семи шелков, стал Бурушку меж ушами бить, приговаривать:

- Скачи, Бурушка, подскакивай, прочь от ног змеенышей отряхивай.

От плетки у Бурушки силы прибыло, стал он высоко скакать, за версту камешки откидывать, стал прочь от ног змеенышей отряхивать. Он их копытом бьет и зубами рвет и притоптал всех до единого.

Сошел Добрыня с коня, взял в правую руку саблю острую, в левую – богатырскую палицу и пошел к змеиным пещерам.

Только шаг ступил – потемнело небо, гром загремел: летит Змей Горыныч, в когтях мертвое тело держит. Из пасти огонь сечет, из ушей дым валит, медные когти как жар горят...

Увидал Змей Добрынюшку, бросил мертвое тело наземь, зарычал громким голосом:

- Ты зачем, Добрыня, наш обет сломал, потоптал моих детенышей?

- Ах ты, змея проклятая! Разве я слово наше нарушил, обет сломал? Ты зачем летал, Змей, к Киеву, ты зачем унес Забаву Путятишну?! Отдавай мне княжну без боя, так я тебя прощу.

- Не отдам я Забаву Путятишну, я ее сожру, и тебя сожру, и всех русских людей в полон возьму!

Рассердился Добрыня и на Змея бросился.

И пошел тут жестокий бой.

Горы Сорочинские посыпались, дубы с корнями вы вернулись, трава на аршин в землю ушла...

Бьются они три дня и три ночи; стал Змей Добрыню одолевать, стал подкидывать, стал подбрасывать... Вспомнил тут Добрыня про плеточку, выхватил ее и давай Змея между ушей стегать. Змей Горыныч на колени упал, а Добрыня его левой рукой к земле при жалах, а правой рукой плеткой охаживает. Бил, бил его плеткой шелковой, укротил как скотину и отрубил все головы.

Хлынула из Змея черная кровь, разлилась к востоку и к западу, залила Добрыню до пояса.

Трое суток стоит Добрыня в черной крови, стынут его ноги, холод до сердца добирается. Не хочет русская земля змеиную кровь принимать.

Видит Добрыня, что ему конец пришел, вынул плеточку семи шелков, стал землю хлестать, приговаривать:

- Расступись ты, мать-сыра земля, и пожри кровь змеиную.

Расступилась сырая земля и пожрала кровь змеиную.

Отдохнул Добрыня Никитич, вымылся, пообчистил доспехи богатырские и пошел к змеиным пещерам. Все пещеры медными дверями затворены, железными засовами заперты, золотыми замками увешаны.

Разбил Добрыня медные двери, сорвал замки и за совы, зашел в первую пещеру. А там видит царей и царевичей, королей и королевичей с сорока земель, с сорока стран, а простых воинов и не сосчитать.

Говорит им Добрынюшка:

- Эй же вы, цари иноземные и короли чужестранные и простые воины! Выходите на вольный свет, разъезжайтесь по своим местам да вспоминайте русского богатыря. Без него вам бы век сидеть в змеином плену.

Стали выходить они на волю, в землю Добрыне кланяться:

- Век мы тебя помнить будем, русский богатырь!

А Добрыня дальше идет, пещеру за пещерой открывает, пленных людей освобождает. Выходят на свет и старики, и молодушки, детки малые и бабки старые, русские люди и из чужих стран, а Забавы Путятишны нет как нет.

Так прошел Добрыня одиннадцать пещер, а в двенадцатой нашел Забаву Путятишну: висит княжна на сырой стене, за руки золотыми цепями

прикована. Оторвал цепи Добрынюшка, снял княжну со стены, взял на руки, на вольный свет из пещеры вынес.

А она на ногах стоит-шатается, от света глаза закрывает, на Добрыню не смотрит. Уложил ее Добрыня на зеленую траву, накормил-напоил, плащом прикрыл, сам отдохнуть прилег.

Вот скатилось солнце к вечеру, проснулся Добрыня, оседлал Бурушку и разбудил княжну. Сел Добрыня на коня, посадил Забаву впереди себя и в путь тронулся. А кругом народу и счету нет, все Добрыне в пояс кланяются, за спасение благодарят, в свои земли спешат.

Выехал Добрыня в желтую степь, пришпорил коня и повез Забаву Путятишну к Киеву.

Алёша Попович и Тугарин Змей

Былина

У соборного попа ростовского был молодой сын, удалый добрый молодец, Алёша.

Научился Алёша на коне ездить, научился мечом владеть и приходит к милому родителю просить благословения на путь-дорогу: хочет Алёша поехать к морю, пострелять гусей-лебедей, малых серых утушек, поискать богатырских подвигов.

Отпустил отец Алёшу в путь-дорогу; вывел Алёша из конюшни своего доброго коня, оседлал его, приговаривает:

- Не оставь меня, добрый конь, в чистом поле серым волкам на растерзанье, чёрным воронам на расхищенье.

Надел на себя Алёша богатырские доспехи, взял с собой доброго молодца, Екима Ивановича, своего названного брата, и выехал в поле; едут богатыри рядом: нога в ногу, стремя у стремени, плечо о плечо, едут с утра до вечера, нигде не мешкают, у рек перевоза не спрашивают; доехали до распутья трёх дорог; лежит посредине белый камень, а на нём вырезана какая-то надпись.

Говорит Алёша Екиму:

- Ты, братец, человек умный, грамоте разумеешь; прочти-ка, что на камне написано. Читает Еким Иванович, что одна дорога ведёт в Муром, а другая в Чернигов, третья прямо к городу Киеву.

- Куда поедем? - спрашивает Еким Алёшу.

- Поедем прямо в стольный Киев, к ласковому князю Владимиру. Повернули они коней на дорожку прямоезжую, доехали до Сафать-реки, раскинули на лугу полотняный шатер, легли богатыри отдохнуть.

Прошла длинная ночь осенняя; встал Алёша рано, росой умылся, Богу помолился. Хотели уже богатыри пуститься в путь-дорогу, да тут подходит к ним калика перехожий, нарядный: разодет в шубу соболью, лапотки у него семи шелков, серебром, золотом расшиты, в руках палица весом в пятьдесят пудов, заморским свинцом налита.

Говорит калика богатырям:

- Добрые молодцы! Видел я сегодня Тугарина Змеевича, чудовище страшное: ростом он в три сажени, от плеча до другого косая сажень, между глаз стрела калёная уляжется; конь под ним, словно лютый зверь: из ушей дым валит, из ноздрей пламя пышет.

Захотелось Алёше побороться со змеем, просит он калику, чтобы уступил ему ненадолго своё платье каличье, надел пока его богатырское.

Поменялись они одеждой; пошёл Алёша за Сафать-реку. Как увидал его Тугарин - закричал ему громким голосом, так что всколыхнулась мать-земля сырая:

- Гей, калика перехожий, не видал ли ты молодого Алёшу Поповича: я бы его копьём заколол, огнём спалил! Стоит Алёша еле жив со страху, однако говорит змею:

- Не слышу, что говоришь ты, Тугарин Змеевич; подъезжай сюда поближе, скажи погромче.

Поверил ему Тугарин, подъехал к нему вплотную. Как кинет ему в лоб Алёша палицу свою тяжёлую в пятьдесят пудов - расшиб Тугарину голову; упал змей навзничь. Снял Алёша с Тугарина цветное платье, ценой во сто тысяч, и на себя надел, сел на змеева коня и поехал назад. Увидали его Еким Иванович с каликою, испугались, подумали, что сам Тугарин гонится за ними, побежали к городу Ростову. Алёша за ними, кричит:

- Пойдите, братцы! Куда! Никто его и не слушает. Еким Иванович, со страху не оглядываясь, запустил в Алёшу свою палицу в тридцать пудов весом. Попала палица прямо в грудь молодецкую, упал Алёша на землю. Видит Еким, что враг его свалился с коня, вернулся, выхватил свой кинжал булатный, хочет рубить Алёше грудь белую, да увидал на нём золотой крест - остановился, заплакал горько.

- Наказал меня Бог; убил я своего братца названного! Стал Еким с каликой приводить Алёшу в себя; влили ему вина в рот, водой его холодной sprыснули; встал наконец Алёша, шатается, словно хмельной.

Переменился потом Алёша с каликой одеждой, надел своё богатырское платье, а Тугариново в сундук спрятал, и поехали они с Екимом Ивановичем в Киев.

Прибыли они на княжий двор, слезли с коней; пошёл Алёша в гридню княжескую; входит - крестом себя осеняет, кланяется на все четыре стороны.

Спросил князь Алёшу об имени, отчестве, посадил его на лучшее место, ласковым словом приветствовал. Только сел Алёша за стол, видит - отворяются двери гридни, и двенадцать сильных богатырей вносят на пир Тугарина Змеевича: лежит Тугарин на золотой доске, проносят его на лучшее место между князем и княгиней.

Как начали разносить кушанья сахарные, видит Алёша, что Тугарин по целой ковриге хлеба глотает, чашей мёду, величиной с ведро, каждое кушанье запивает.

- Что за невежа, мужик неотёсанный, к тебе, князь Солнышко, на пир попал? - спрашивает Алёша Владимира. - Была у моего батюшки старая собака, жадная на еду; однажды стащила она большую кость да и подавилась! То же будет и с Тугарином.

Почернел Тугарин со злости, однако промолчал на первый раз; Алёша просветлел, словно светлый месяц. Принесли на стол белую лебедь; взял Тугарин лебедь с блюда, всю зараз проглотил. Говорит Алёша:

- Ласковый князь, где это видано, чтоб кто-нибудь по целой лебеди зараз проглатывал! Была у моего батюшки старая корова; забрела она раз к подворотне, целый чан браги выпила, да и лопнула. То же будет и с Тугарином.

Не вытерпел тут Тугарин, схватил свой кинжал, пустил в Алёшу; увернулся Алёша, а брат его Еким Иванович перехватил кинжал, спрашивает брата:

- Сам ли ты, Алёша, в Тугарина кинжал бросишь или мне велишь?

Отвечает Алёша:

- Ни сам не брошу, ни тебе не велю: переведаюсь я завтра с Тугарином в чистом поле один на один; на заклад ставлю свою буйную голову.

Стали все гости князя за Тугарина заклад ставить; ставят бояре по сто рублей, а купцы богатые по пятидесяти, а мужики деревенские по три копейки; все уверены, что несдобровать Алёше. Один владыка Черниговский поручился за Алёшу Поповича.

Взмахнул Тугарин своими бумажными крыльями, вылетел из гридни княжеской.

Всю ночь перед боем Алёша молился Богу: «Пошли, Господи, тучу чёрную с дождём да с градом, чтобы размокли у змея бумажные крылья». Дошли Алёшины молитвы до Спаса Пречистого: полил дождь с градом, размочил Тугарину бумажные крылья; упал злодей на сырую землю.

Поехал тогда Алёша Тугарину навстречу - биться с ним смертным боем; кричит Тугарин Алёше:

- Вот я тебя огнём спалю, а не то конём затопчу или копьём заколю; выбирай, что тебе больше нравится! Говорит Алёша:

- Нехорошо ты, Тугарин, поступаешь! Хотел биться со мной один на один, а сам ведёшь за собой грозную силу. Удивился Тугарин речам Алёши, обернулся назад посмотреть, какая такая сила идёт за ним, а Алёше только того и надо. Подскочил Алёша к Тугарину, срубил ему буйную голову, упала голова змеева на сырую землю, как пивной котёл. Поднял её Алёша, привязал к седлу, привёз в Киев на княжий двор да тут и бросил.

Обрадовался Владимир-князь:

- Велика твоя служба, славный богатырь: свет ты мне дал увидеть, как избавил меня от Тугарина! Оставайся в Киеве, служи мне верой-правдою; я тебя щедро награжу своими милостями! Остался Алёша в Киеве, служил князю верой-правдой не один десяток лет, перебил не одну сотню врагов княжеских. Вот и сказке Алёша Попович и Тугарин Змей конец, а кто слушал - молодец!

Богатырская сказка

Никита Кожемяка

В старые годы появился недалеко от Киева страшный змей. Много народа из Киева потаскал в свою берлогу, потаскал и поел. Утащил змей и царскую дочь, но не съел ее, а крепко-накрепко запер в своей берлоге. Увязалась за царевной из дому маленькая собачонка. Как улетит змей на промысел, царевна напишет записочку к отцу, к матери, привяжет записочку собачонке на шею и пошлет ее домой. Собачонка записочку отнесет и ответ принесет.

Вот раз царь и царица пишут царевне: узнай-де от змея, кто его сильней. Стала царевна от змея допытываться и допыталась.

- Есть, - говорит змей, - в Киеве Никита Кожемяка - тот меня сильней.

Как ушел змей на промысел, царевна и написала к отцу, к матери записочку: есть-де в Киеве Никита Кожемяка, он один сильнее змея. Пошлите Никиту меня из неволи выручить.

Сыскал царь Никиту и сам с царицею пошел его просить выручить их дочку из тяжелой неволи. В ту пору мля Кожемяка разом двенадцать воловьих кож. Как увидел Никита царя - испугался: руки у Никиты задрожали, и разорвал он разом все двенадцать кож. Рассердился тут Никита, что его испугали и ему убытку наделали, и, сколько ни упрашивали его царь и царица пойти выручить царевну, не пошел.

Вот и придумал царь с царицей собрать пять тысяч малолетних сирот - осиротил их лютый змей, - и послали их просить Кожемяку освободить всю русскую землю от великой беды. Сжалился Кожемяка на сиротские слезы, сам прослезился. Взял он триста пудов пеньки, насолил ее смолою, весь пенькою обмотался и пошел.

Подходит Никита к змеиной берлоге, а змей заперся, бревнами завалился и к нему не выходит.

- Выходи лучше на чистое поле, а не то я всю твою берлогу размечу! - сказал Кожемяка и стал уже бревна руками разбрасывать.

Видит змей беду неминуемую, некуда ему от Никиты спрятаться, вышел в чистое поле.

Долго ли, коротко ли они бились, только Никита повалил змея на землю и хотел его душить. Стал тут змей молить Никиту:

- Не бей меня, Никитушка, до смерти! Сильнее нас с тобой никого на свете нет. Разделим весь свет поровну: ты будешь владеть в одной половине, а я - в другой.

- Хорошо, - сказал Никита. - Надо же прежде между проложить, чтобы потом спору промеж нас не было.

Сделал Никита соху в триста пудов, запряг в нее змея и стал от Киева между прокладывать, борозду пропахивать; глубиной та борозда две сажени с четвертью. Провел Никита борозду от Киева до самого Черного моря и говорит змею:

- Землю мы разделили - теперь давай море делить, чтобы о воде промеж нас спору не вышло.

Стали воду делить - вогнал Никита змея в Черное море, да там его и утопил.

Сделавши святое дело, воротился Никита в Киев, стал опять кожи мять, не взял за свой труд ничего. Царевна же воротилась к отцу, к матери.

Борозда Никитина, говорят, и теперь кое-где по степи видна: стоит она валом сажени на две высоту. Кругом мужички пашут, а борозды не распахивают: оставляют ее на память о Никите Кожемяке.

Пусть народная сказка, рассказанная малышу, станет хорошей традицией и сблизит вас с малышом.

Былина в пересказе для детей И.В. Карнауховой
На заставе богатырской

Под городом Киевом, в широкой степи Цицарской стояла богатырская застава. Атаманом на заставе старый Илья Муромец, податаманом Добрыня Никитич, есаулом Алёша Попович. И дружинники у них храбрые: Гришка —

боярский сын, Василий Долгополый, да и все хороши.

Три года стоят богатыри на заставе, не пропускают к Киеву ни пешего, ни конного. Мимо них и зверь не проскользнёт, и птица не пролетит. Раз пробегал мимо заставы горностайка, да и тот шубу свою оставил. Пролетал сокол, перо выронил.

Вот раз в недобрый час разбрелись богатыри-караульщики: Алёша в Киев ускакал, Добрыня на охоту уехал, а Илья Муромец заснул в своём белом шатре...

Едет Добрыня с охоты и вдруг видит: в поле, позади заставы, ближе к Киеву, след от копыта конского, да не малый след, а в полпечи. Стал Добрыня след рассматривать:

— Это след коня богатырского. Богатырского коня, да не русского: проехал мимо нашей заставы могучий богатырь из казарской земли — по ихнему копыта подкованы.

Прискакал Добрыня на заставу, собрал товарищей:

— Что же это мы наделали? Что же у нас за застава, коль проехал мимо чужой богатырь? Как это мы, братцы, не углядели? Надо теперь ехать в погоню за ним, чтобы он чего не натворил на Руси. Стали богатыри судить-рядить, кому ехать за чужим богатырём. Думали послать Ваську Долгополого, а Илья Муромец не велит Ваську слать:

— У Васьки полы длинные, по земле ходит Васька заплетается, в бою заплетётся и погибнет зря.

Думали послать Гришку боярского. Говорит атаман Илья Муромец:

— Неладно, ребяташки, надумали. Гришка рода боярского, боярского рода хвастливого. Начнёт в бою хвастаться и погибнет понапрасну.

Ну, хотят послать Алёшу Поповича. И его не пускает Илья Муромец:

— Не в обиду будь ему сказано, Алёша роду поповского, поповские глаза завидушие, руки загребушие. Увидит Алёша на чуженине много серебра да золота, позавидует и погибнет зря. А пошлём мы, братцы, лучше Добрыню Никитича.

Так и решили — ехать Добрынюшке, побить чуженина, срубить ему голову и привезти на заставу молодецкую.

Добрыня от работы не отлынивал, заседлал коня, брал палицу, опоясался саблей острой, взял плеть шелковую, въехал на гору Сорочинскую. Посмотрел Добрыня в трубочку серебряную — видит: в поле что-то чернеется. Поскакал Добрыня прямо на богатыря, закричал ему громким голосом:

— Ты зачем нашу заставу проезжаешь, атаману Илье Муромцу челом не бьёшь, есаулу Алёше пошлины в казну не кладёшь?!

Услышал богатырь Добрыню, повернул коня, поскакал к нему. От его скоку земля заколебалась, из рек, озёр вода выплеснулась, конь Добрынин на колени упал. Испугался Добрыня, повернул коня, поскакал обратно на заставу. Приезжает он ни жив, ни мёртв, рассказывает всё товарищам.

«— Видно мне, старому, самому в чистое поле ехать придётся, раз даже Добрыня не справился», — говорит Илья Муромец.

Снарядился он, оседлал Бурушку и поехал на гору Сорочинскую.

Посмотрел Илья из кулака молодецкого и видит: разъезжает богатырь, тешится. Он кидает в небо палицу железную весом в девяносто пудов, на лету ловит палицу одной рукой, вертит ею, словно перышком.

Удивился Илья, призадумался. Обнял он Бурушку-Косматушку:

— Ох ты, Бурушка мой косматенький, послужи ты мне верой-правдой, чтоб не срубил мне чуженин голову. Заржал Бурушка, поскакал на нахвальщика. Подъехал Илья и закричал:

— Эй ты, вор, нахвальщик! Зачем хвастаешь?! Зачем ты заставу миновал, есаулу нашему пошлины не клал, мне, атаману, челом не бил?!

Услыхал его нахвальщик, повернул коня, поскакал на Илью Муромца. Земля под ним содрогнулась, реки, озёра выплеснулись.

Не испугался Илья Муромец. Бурушка стоит как вкопанный, Илья в седле не шелохнется.

Съехались богатыри, ударились палицами, — у палиц рукоятки отвалились, а друг друга богатыри не ранили. Саблями ударились, — переломились сабли булатные, а оба целы. Острыми копьями кололись, — переломили копья по маковки!

— Знать, уж надо биться нам врукопашную!

Сошли они с коней, схватились грудь с грудью. Бьются весь день до вечера, бьются с вечера до полночи, бьются с полночи до ясной зари, — ни один верх не берёт.

Вдруг взмахнул Илья правой рукой, поскользнулся левой ногой и упал на сырую землю. Наскочил нахвальщик, сел ему на грудь, вынул острый нож, насмехается:

— Старый ты старик, зачем воевать пошёл? Разве нет у вас богатырей на Руси? Тебе на покой пора. Ты бы выстроил себе избушку сосновую, собирал бы милостыню, тем бы жил-поживал до скорой смерти.

Так нахвальщик насмехается, а Илья от русской земли сил набирается. Прибыло Илье силы вдвое, — он как вскочит, как подбросит нахвальщика!

Полетел тот выше леса стоячего, выше облака ходячего, упал и ушёл в землю по пояс.

Говорит ему Илья:

— Ну и славный ты богатырь! Отпущу я тебя на все четыре стороны, только ты с Руси прочь уезжай да другой раз заставу не минуй, бей челом атаману, плати пошлины. Не броди по Руси нахвальщиком.

И не стал Илья ему рубить голову.

Воротился Илья на заставу к богатырям.

— Ну, — говорит, — братцы мои милые, тридцать лет я езжу по полю, с богатырями бьюсь, силу пробую, а такого богатыря не видывал!

Королев Алексей

Сказка про Деда Мороза и Снегурочку

Когда и кто эту историю рассказал? Никто не помнит? Кто и когда её слышал? Никто не знает? А история эта вот о чём...

Жил Дед Мороз со своею Снегурочкой на Северном полюсе, огромном ледяном острове, именуемом Арктикой. В этом царстве зимы никогда не было других времён года, дни здесь были самые короткие на Земле. Солнце как бы боялось замёрзнуть и быстро покидало этот вечно ледяной и неприветливый край, а длинными ночами сверкали холодом звёзды и северное сияние. И никого, кроме Деда Мороза и Снегурочки, в этой арктической пустыни не было.

Так бы и продолжали они жить в печальном одиночестве, если бы не сон, который увидела Снегурочка накануне нового года.

А приснилось ей, что они с Дедом Морозом оказались в гостях у ребят на новогодние ёлки. И вся эта радостная встреча с песнями, играми, танцами, новогодними игрушками и подарками была как наяву.

Проснувшись, Снегурочка непроизвольно стала повторять запомнившиеся слова одного из услышанных стихов ребят:

Тик-так - часы стучат.

Топ-топ - Новый год идёт.

Там-там ёлочка растёт.

Тут-тут подарочки дают.

Дедушка, дедушка! - громко и радостно вскрикнула Снегурочка, звонко стуча хрустальными каблучками по полу ледяного дворца.

Дед Мороз сидя в ледяном кресле хладнокровно спросил:

-Я слушаю тебя, внученька.

-Дедушка, мы не одни, мы не одни!

-Что произошло, Снегурочка?

-Дедушка, я видела сон, я видела ребят. Их там много, им всем вместе весело. Я хочу к ним! Я очень хочу к ним, дедушка!

Дед Мороз встал и подошёл к Снегурочке, тепло обнял её и улыбнулся:

-Конечно, конечно же ты их увидишь скоро. Только не волнуйся так.

-Нет! Ты просто меня успокаиваешь. Ты не веришь мне! - Снегурочка заплакала, и из её больших глаз упали крупные льдинки слёз.

-Хорошо, хорошо, я тебе обещаю, мы завтра же тронемся, в путь, правда, я не знаю дороги к этим ребятам.

-Я тебе всё покажу, дедушка, я всё запомнила! Подпрыгнув от радости, Снегурочка в обе щеки расцеловала Деда Мороза.

Три дня до нового года...

На другой день к утру Дед Мороз и Снегурочка были готовы к дороге.

Дед Мороз достал свой посох и, стукнув им два раза, пожелал, что бы северное сияние служило им дорожкой по небу, а звёзды освещали им верный путь. В один миг цепочкой звёзды выстроились, и кружево северного сияния дорожкой вытянулось, приспустило один край к ногам Деда Мороза и Снегурочки. Едва они ступили на неё, дорожка, в воздухе змейкою паря, сама в путь, освещенный двинулась.

Два дня до Нового года...

Целый день Дед Мороз со Снегурочкой летели над Арктикой, а в конце дня их дорожка-скоролёт стала на глазах быстро укорачиваться и всё ниже и ниже опускаться на неизвестную им землю. Это оказались острова Северной Земли, хозяином которых был белый северный медведь.

-Дедушка смотри, какое забавное существо приближается к нам, - только и успела сказать Снегурочка, как раздался гремучий голос большого белого медведя:

-Кто вы и что вам здесь нужно?

-Мы со Снегурочкой спешим на новогоднюю ёлку к ребятам. Не мог бы ты нам к ним помочь добраться?

Ничего не ответил медведь, лишь улыбнулся и покорно подставил свою лохматую спину. Во всю мочь он нёс Деда Мороза и Снегурочку, и к утру они достигли Большой Земли.

-Я дальше идти не могу. Это тундра, и её властелин - благородный северный олень. Он вам поможет путешествовать дальше. Прощайте!

Один день до Нового года...

И вот уже Дед Мороз со Снегурочкой продолжили путь верхом на северном олене. Весь следующий день они мчались без усталости по просторам тундры.

Впереди была тайга с её многочисленными обитателями. Узнав, что перед ними настоящий Дед Мороз и Снегурочка и что они опаздывают на встречу Нового года с ребятами, звери с радостью согласились помочь. Как и раньше, при помощи волшебного посоха появились великолепные сани, в упряжке которых встали: лось и медведь, волк и кабан, лиса и заяц, соболь и белка. А тетерева с глухарями тоже помогали: с высоты птичьего полёта высматривали наиболее проходимые для саней места.

Один час до Нового года...

А вот и сам Байкал, море-озеро! И его дочь красавица Ангара!

Дед Мороз и Снегурочка поблагодарили гостеприимных таёжных зверей и двинулись на быстроходных лыжах дальше к стариному купеческому городу Иркутску. Именно там побывала наша Снегурочка во сне за три дня до наступления Нового года.

Часы бьют 12

Наконец появились вечерние огни Иркутска с его прекрасной новогодней ёлкой и весёлым хороводом ребят.

Дед Мороз и Снегурочка услышали:

- Тик-так-часы сучат.

Топ-топ - Новый год идёт.

Там-там ёлочка растёт.

Тут-тут подарочки дают.

- Да я же всё это видела во сне, бабушка! - воскликнула Снегурочка и, счастливая, стала вместе с Дедом Морозом и ребятами водить хоровод вокруг новогодней ёлки.

-С Новым годом вас, ребята! - Сказал Дед Мороз.

-С Новым годом! - вторила ему Снегурочка.

Перед дождём

Н. Некрасов

Заунывный ветер гонит
Стаю туч на край небес,
Ель, надломленная стонет,
Глухо шепчет темный лес.

На ручей, рябой и пестрый,
За листком летит листок,

И струей сухой и острой
Набегает холодок.

Полумрак на всё ложится;
Налетев со всех сторон,
С криком в воздухе кружится
Стая галок и ворон.

Над проезжей таратайкой
Спущен верх, перед закрыт;
И "пошел!" - привстав с нагайкой,
Ямщику жандарм кричит...

Стихи о шахтёрском труде

Шахтеры – парни сильные,
Отважные, красивые,
Пусть даже с пылью угольной –
Но с честью не поруганной,
Для них богатства Родины –
Отдельный пункт, особенный.
Вы сильные и смелые,
Вы горняки умелые!

Из года в год, Вы каждый день,
Даете уголь на «гора»,
Вам не знакомо слово-лень,
Работа ваша не игра.
А тяжкий и опасный труд,
Не каждый выдержит его!
Ведь Вас шахтерами зовут.
Шахтером быть трудней всего!

За смелый труд, за доблесть, силу
Пусть вам подарит Бог добра.
И светлых дней, судьбы красивой,
Чтоб жизнь была, как вечный рай.
Не знать ненастья вам и страха,
Работе — слава и почёт!

Шахтёр пусть каждый одним махом
Свой личный клад легко найдёт.

Такая важная профессия — шахтёр!
Они в России уголь в шахтах добывают.
Согреть зимой не сможет вас ковёр,
Так вот, шахтёрский труд нас согревает!

Чтобы в шахту нам войти,
Нужно смелость обрести.
Дело непростое —
Страшное такое!
Чтобы был наш тёплый кров
Уголь нам добыть готов,
Ты шахтер-строитель —
В жизни победитель!

Говорят, что скоро роботы
Будут уголь добывать,
И профессия шахтера
Станет тихо угасать.

Только в это мало верится,
Так как сорок тысяч лет
Существует уж профессия,
Коей равной в мире нет.

Мама

Демыкина Галина

Платьев у мамы ну прямо не счесть.
Синее есть и зеленое есть
Есть голубое с большими цветами -
Каждое служит по-своему маме.
В этом уходит она на завод,
В этом в театр и в гости идет,
В этом сидит, занята чертежами...
Каждое служит по-своему маме.
Брошен небрежно на спинку кровати
Старый, потрепанный мамин халатик.

Я подаю его бережно маме,
А почему - догадайтесь сами:
Если наденет халатик цветной,
Значит, весь вечер пробудет со мной.

В бурю

А.Н. Плещеев

Комнату лампада
Кротко озаряла;
Мать, над колыбелью
Наклонясь, стояла.
А в саду сердито
Выла буря злая,
Над окном деревья
Тёмные качая.
Мамины руки
Е. Колтовская
Мамины руки – тепло,
Мамины очи – светло,
Мамина сказка во сне,
Мамины гены во мне,
Мамины мысли со мной,
Маме поклон мой земной.

Мама и Родина очень похожи...
А. Стариков
Мама и Родина очень похожи:
Мама – красивая, Родина – тоже!
Вы присмотритесь: у мамы глаза
Цвета такого же, как небеса.

Мамины волосы, словно пшеница,
Что на бескрайних полях колосится.
Мамины руки теплы и нежны,
Напоминают луч солнца они.

Если поет мама песню, то ей
Вторит веселый и звонкий ручей...
Так и должно быть: что дорого нам,

Напоминает всегда наших мам.

Пасхальный благовест

С.А. Есенин

Колокол дремавший
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная земля.

Понеслись удары
К синим небесам,
Звонко раздаётся
Голос по лесам.

Скрылась за рекою
Белая луна,
Звонко побежала
Резвая волна.

Тихая долина
Отгоняет сон,
Где-то за дорогой
Замирает звон.

Стихотворение - игра «Наша Родина сильна»

Наша Родина сильнада.
И у нас она одна.....да.
На Руси богатыри есть.....да.
Им всегда хвала и честь.....да.
Илья Муромец геройда.
Он был самый молодой.....нет.
Соловья он победил.....да.
Из автомата подстрелил.....нет.
Алёша Попович тоже герой.....да.
Он сильный, смелый, молодой.....да.
Он в Киеве граде дружинником был.....да.
Карабаса в бою победил.....нет.
На танках боролись богатыри с врагом.....нет.
Они воевали с мечом и копьём.....да.

Добрыня Никитич был слабым и хилым.....нет.
Он змея сумел победить своей силой.....да.
Гордимся мы нашими богатырями.....да.
Хотим ли быть такими же сами.....да.

Сиротка Ваня

К.Д. Ушинский

Сиротой остался Ваня, сиротой круглым. Некому сиротиночку кормить-поить; некому сиротиночку обуть-одеть. У сиротки головка нечесаная; у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бедного, приголубит? Кто его на ночь перекрестит, в теплую постельку уложит? Кто его, малого, от худа укроет, уму-разуму научит?

Предание о первой рождественской ёлке

Е. Ивановская

Святая торжественная ночь спустилась на землю, принесла с собою великую радость людям. В Вифлееме, в убогой пещере, родился Спаситель мира. Внимая песнопению ангелов, пастухи славят и благодарят Бога; вслед за путеводной звездой волхвы спешат с далекого востока на поклонение Божественному Младенцу. И не только люди, но и деревья, осеняющие пещеру, и луговые цветы, пестреющие вокруг, – все по-своему принимают участие в великом торжестве. Радостно колышутся они, как бы поклоняясь Божественному Младенцу, и в ликующем шелесте листвы, в шепоте трав как бы слышится выражение благоговения к совершившемуся чуду. Всем хочется видеть родившегося Спасителя: деревья и кусты простирают свои ветки, цветы приподнимают головки, стараясь заглянуть внутрь пещеры, обратившейся теперь в священный храм.

Счастливее других три дерева, стоящих у самого входа в пещеру: им хорошо видны ясли и покоящийся в них Младенец, окруженный сонмом ангелов. Это стройная пальма, прекрасная пахучая маслина и скромная зеленая елка. Все радостней, все оживленнее становится шелест их ветвей, и вдруг в нем явственно слышатся слова:

– Пойдем и мы поклонимся Божественному Младенцу и поднесем Ему наши дары, - говорила, обращаясь к маслине, пальма.

– Возьмите и меня с собой! – робко промолвила скромная елка.

– Куда тебе с нами! – окинув елку презрительным взглядом, гордо ответила пальма.

– И какие дары можешь ты поднести Божественному Младенцу? – прибавила маслина. – Что у тебя есть? Только колючие иглы да противная липкая смола! Промолчала бедная елка и смиренно отошла назад, не осмеливаясь войти в пещеру, сиявшую небесным светом.

Но ангел слышал разговор деревьев, видел гордость пальмы и маслины и скромность елки, ему стало жаль ее, и, по своей ангельской доброте, он захотел помочь ей.

Великолепная пальма склонилась над Младенцем и повергла перед Ним лучший лист своей роскошной кроны.

– Пусть он навевает на Тебя прохладу в жаркий день, – сказала она, а маслина наклонила свои ветки. С них закапало душистое масло, и вся пещера наполнилась благоуханием.

С грустью, но без зависти, смотрела на это елка. “Они правы, – думала она, – где мне с ними сравниться! Я такая бедная, ничтожная, достойная ли я приблизиться к Божественному Младенцу!”

Но ангел сказал ей:

– В своей скромности ты унижаешь себя, милая елка, но я возвеличу тебя и разукрашу лучше твоих сестер!

И ангел взглянул на небо.

А темное небо усеяно было сверкающими звездами. Ангел сделал знак, и одна звездочка за другой стали скатываться на землю, прямо на зеленые ветки елки, и скоро вся она засияла блестящими огоньками. И когда Божественный Младенец проснулся, то не благоухание в пещере, не роскошный веер пальмы привлекли Его внимание, а сияющая елка. На нее взглянул Он и улыбнулся ей и протянул к ней ручки.

Возрадовалась елка, но не загордилась и своим сиянием старалась осветить пристыженных, стоявших в тени маслину и пальму. За зло она платила добром. И ангел видел это и сказал:

– Ты доброе деревце, милая елка, и за это ты будешь вознаграждена. Каждый год в это время ты, как теперь, будешь красоваться в сиянии множества огней, и маленькие дети будут, глядя на тебя, радоваться и веселиться. И ты, скромная, зеленая елка, сделаешься знаменем веселого рождественского праздника.

Детская сказка про Варезки

Ю. Кондратьева

Девочка идет с мамой в магазин, и ей очень весело. Снег скрипит под ботиночками, и город вокруг праздничный, присыпанный еще хвоей, и во

многих окошках сверкают разноцветные гирлянды. Сегодня — Рождество, и наверняка случится что-нибудь чудесное, необыкновенное!

В магазине тоже весело. Людей много, они ходят, рассматривают прилавки, выходят из магазина с большими сумками — праздник! Мама никогда не покупает много, она сама печет и готовит, а дети обязательно получают в подарок рубашечки, платья, нарядные переднички — мама шьет их тоже сама. Иногда девочке кажется, что мама — волшебница. Целый день она занимается с братишками и сестренками, а потом вдруг, откуда ни возьмись, появляются подарки и детские сказки. Когда мама только успеваает?

Девочка знает, что дома уже поставлено тесто, и вечером будут пироги, и сладко запахнет на весь дом компотом, и папа наденет белую рубашку, а мама — нарядное платье. И все – все сядут за красивый стол. За столом будет тесно, но зато очень весело: мама, папа, она, девочка, трое ее братишек и еще две сестренки. Все получают подарки. Мама говорит, в этот день ни за что нельзя ругаться и обижаться друг на друга, потому что это самый светлый, самый семейный праздник.

Девочка очень любит свою маму, но сейчас ей за нее немножко неловко. Все женщины в магазине одеты красиво и празднично, у всех меховые воротники и блестящие сапожки, а на маме — пальто, которое она носит столько, сколько девочка себя помнит. И девочка старается отойти от мамы подальше, пока та стоит у прилавка, и говорит продавщице:

– Двести грамм вот этого, пожалуйста... И немножко этого... Нет-нет, поменьше...

Девочка ушла далеко и оказалась в другом отделе. Здесь не было колбасы и хлеба, зато лежали красивые вещи. Такие красивые, что у девочки захватило дух: блестящие юбочки, джинсы со сверкающими заклепками.

Но больше всего девочке понравились варежки. Они были пушистые и мягкие даже на вид, сверху — красивые цветы и бусинки. Белые-белые варежки. И так нестерпимо вдруг захотелось их надеть, что девочка забыла о том, что мама и папа всегда говорят, что денег мало, не хватает. Она побежала за мамой и за руку притащила ее к прилавку.

– Мам, купи!

Мама посмотрела и вздохнула.

—Машенька, это очень дорого. У тебя же есть варежки. А Сашка без сапог. И Насте надо купить колготки. И у папы совсем износилась куртка.

Девочка топнула ногой, и даже слезы навернулись — так рассердилась.

– Вы никогда ничего нам не покупаете!

— Ну как же... — Растерялась мама. — Ведь тебе недавно купили новые краски, и бантики, и...

— Не то! — Топала ногой девочка. — Я хочу красивое!

У мамы дрогнуло лицо.

— Мы посоветуемся с папой...

— Хочу!

Они пришли домой — мама расстроенная, а девочка очень сердитая, с красным и опухшим лицом. Мама тихо прошла на кухню и стала печь пироги, а девочка забилась под вешалку и сидела там долго, и сердилась, и даже оттолкнула маленького братишку, который только что научился ходить. Он упал и заплакал. Вышел из комнаты папа, который раздвигал огромный стол — помогал маме. Прибежала старшая сестра Настя, которая готовила посуду.

— Как тебе не стыдно, Маша! Он же маленький.

Взяла братишку на руки и унесла читать ему детские сказки. А папа пошарил под вешалкой и вытащил Машу.

— Ты чего реवेशь? И зачем ты толкнула Никиту?

— Ему всегда больше достается! И игрушек, и детских сказок, и всего!

— Он же самый маленький, — сказал папа.

— Ну и что! — Крикнула девочка папе в лицо. — Зачем нас так много? Мы из-за этого ничего не покупаем!

Она увидела, что папа очень расстроился, даже усы встопорщились. Но Машке уже было все равно.

— Маша-Маша, — покачал головой папа. — Когда ты подрастешь, ты поймешь, что братья и сестры — это вообще очень много.

И он ушел от Машки и пошел к маме. И они долго говорили о чем-то за закрытой дверью кухни. А потом папа куда-то ушел.

А потом пришел праздник. Мама и Настя носили с кухни угощение, папа открывал компот, все наряжались и садились за стол. Но Машка была очень сердитая. И, когда разворачивали подарки, она даже не хотела открывать свой. Но папа сказал:

— Открывай, Машка.

И Машка открыла и замерла от счастья. В коробочке были варежки — те самые! С красивыми цветами, с бусинками. Машка осторожно погладила мягкую шерсть, время как будто замерло. И все почему-то молчали, только маленький Никита хныкал, тянулся к пирожку. Машка подняла глаза и посмотрела на папу. Но он на Машку не смотрел. Он смотрел на маму, на мамины руки. И Машка тоже посмотрела. И как будто первый раз их

увидела. Руки у мамы были натруженные, шершавые — даже отсюда видно. Покрасневшие.

И Машка почему-то вспомнила, как мама этими руками бинтовала ей разбитую коленку, и делала Насте красивую прическу, и гладила по голове маленького Никиту, который заболел, и шила Сашке в детский садик новогодний костюм, и ставила перед папой тарелку, когда он приходил усталый с работы.

И почему-то Машка тихонько сползла со стула, прошла вокруг стола длинный-длинный путь, мимо всех своих пяти братьев и сестер. И положила перед мамой красивые-красивые вареники, и покраснела. И шепнула:

— С Рождеством, мамочка.

И мамина рука немедленно погладила Машку по косичкам, а все почему-то захлопали, даже маленький Никита. И папа громко и весело сказал:

— С Рождеством!

И даже усы у него были гордые и счастливые.

Николка

Е. Поселянин

Все для разговенья было готово. Пирог подрумянился, и от одного вида хорошо поджаренной, промасленной корки становилось сладко; жирный кусок баранины распространял по избе заманчивый запах; из выставленного только, что из печи горшка с горящими щами, шел густой пар. В избе было почти все прибрано. В святом углу с почерневшею большою иконой, Скорбящей и новенькими образами в бумажных ризах засвечена, была лампадка.

Сквозь окна уже почти не видно было света. День быстро скрывался. Михайла во дворе запрягал дровни. Пора было собираться ко всеобщей. Ехать нужно было не в приход, а в большое село Трехбратское, лежавшее от деревни верстах в двенадцати. Там был храмовый праздник.

Хозяйка Михайлы, Марья, хватистая, высокая румяная баба, быстро довершала уборку избы. Выставив из печи на стол жаренное и пирог, она прикрыла их и крикнула пасынку своему, Николке, мальчику лет семи, чтобы вынес в сени кошку и не пускал ее в избу, а то еще вздумает полакомиться их разговеньем. Покончив с приготовлением к завтрашнему обеду, Марья стала обряжаться. Она была из зажиточного дома в Трехбратском и любила показать себя лицом. Не хотелось ей в такой день выезжать кое в чем. И когда надела она цветной сарафан с дутыми серебряными пуговками, голову

повязала красным шелковым платком, накинула тулуп, крытый тонким синим сукном, то стала еще величавее и пригляднее.

Вошел в избу Михайла, пустив за собою клубья морозного воздуха, и тоже начал одеваться по-праздничному. Только у Николы не было ничего нового. Все же он надел вымытую рубаху и, напялил свой заплатанный полушубок, стоя в углу, бережно оправлял мятый картуз, который в обыкновенные дни надевал на голову, не заботясь об его виде. Михайла несколько раз украдкой взглянул на сынишку. Может быть, ему стало жаль, что у него нет к празднику обновы. Он мог так же думать, что было бы иначе, если бы жива была мать Николки. Сам же Николка не думал ни о мамке, ни об обновлениях. Он старался стоять как можно тише, чтобы чем-нибудь не рассердить мачеху. Он был очень рад, что его берут в село, и ему хотелось поскорее сесть на дровни, где его уже не за что будет бранить.

В Трехбратском должны были заночевать у родных Марьи и только уже после обедни вернуться домой. Все это очень занимало Николку. Изготовившись, Михайла поплотнее завернулся сверх полушубка в широкий армяк и покрепче подпоясался. Марья устроила у себя на груди своего годовалого ребенка, загасила огонь, оставив одну лампадку, и все вышли наружу, Михайла с Марьей поместились спереди, а Николка с большим удобством прилег сзади, и так поехали.

Сытая, сильная лошадь бежала весело. Схваченный суровым морозом снег визжал под полозом, дровни скользили ровно и плавно. На густом ворохе соломы и покрытым еще сверху старым отцовским кафтаном Николке было тепло. Сперва он долго глядел то вверх, на небо, сверкавшее бесчисленными, все продолжавшими высыпать звездами, то на огоньки в избах встречных деревень, то в темноватую даль, и с боков, и спереди, и сзади обступавшую дровни. Потом от ровной езды и от той тишины, в которой они ехали, Николка стал дремать. Сквозь забытье чувствовал он, что дровни въезжали уже в лес, и, что, если б он был один, ему бы тут стало страшно, а со своей семьи на дровнях здесь было еще лучше, чем в поле. С обеих сторон точно обнимали узкую дорогу громадные сосны и редкие лиственные деревья, и прежняя тишина сменилась каким-то странным и загадочным непрерывным шепотом. Бог весть, о чем думал Николка.

Хотелось бы ему лета, когда в этом самом лесу, на полянках, в траве, распускались цветы и зрели ягоды, а близ кочек подымались грибы, или думал он о селе, горящей огнями Церкви с громким пением и праздничным народом, или хотелось ему, чтобы кто-нибудь приласкал его. Но сладко было в этот вечер Николке дремать на дровнях, среди леса, под убаюкивающее визжание полозьев.

Вдруг что-то потянуло его оглянуться назад. Высвободив голову из-под кафтана, он посмотрел на дорогу. Не очень далеко от дровней бежало что-то разбросанное, черное, и из этого черного светились как будто прыгающие огоньки. Николке стало страшно. Он быстро поднялся в дровнях на колени и заглянул через отца на лошадь. Лошадь дрожала, уши ее поднялись, и она трусливо водила ими.

- Чего ворочаешься-то? – спросила недовольно мачеха. В ее голосе слышалась тревога. Николка обернулся еще раз назад. Огоньки приближались. Уже ясно слышался шум надвигающейся массы.

- Тятка, волки! – закричал Николка.

Михайла видел все. Он почувствовал опасность, когда лошадь насторожила уши, и, зная, что делать тут нечего, только молил Бога унести их от беды. Он надеялся лишь на одно, что волков мало или что кто-нибудь подьедет сзади, и они отобьются вместе. Погоня лошадь, он оглянулся назад: целая стая волков гналась за ними. Лошадь бежала изо всех сил, но расстояние между стаей и дровнями становилось все меньше.

- Держись, - закричал Михайла, - все кучкой сидите. Бог милостив, может уедем! И, приподнявшись, он стал неистово, до крови, нахлестывать лошадь. Высоко забросив голову, лошадь точно стлалась над землей. В смертельном ужасе прижимая к себе ребенка, Марья смотрела вперед. Михайла то и дело оборачивался. За спиной Марьи, лицом к волкам, стоял на коленях Николка. Ему уже было слышно дыхание зверей. Он понимал, что, когда волки совсем нагонят, они бросятся на него первого. Он не плакал, не кричал, не бился, но весь замер.

«Николку, Николку держи», - кричал Марье Михайла.

Но Марья все сидела неподвижно. Волки настигали. Морда переднего волка касалась уже дровней. Через мгновение он бежал с ними в уровень. Скоро дровни должны были очутиться в самой середине стаи. Ужасные огоньки волчьих глаз мелькали со всех сторон, слышалось тяжелое дыхание страшных зверей. Вдруг Марья поднялась и, одной рукой продолжая придерживать своего ребенка, другою со страшной силой подняла за полушубок Николку и с безумным криком швырнула им в волков.

«Тятка, тятка!» - раздалось в воздухе.

Но дровни летели дальше. Обезумевшая лошадь несла их неудержимо. Был ли затемнен ум Михайлы, не слышал ли он, как зовет его сынишка, но он все хлестал бесившуюся лошадь. А там, сзади, чернела на белом снегу стая, окружившая сброшенного с дровней мальчишку.

Когда мачеха сбросила Николку волкам, кроме безграничного ужаса, мертвящим холодом прохватившего его до костей, он ясно осознавал:

«съедят». И, закрыв глаза, лежал на земле, не пытаясь встать. Между тем все было тихо. От того что волки не бросились на него сразу, ему стало еще страшнее. Со страшным усилием, как бы ожидая воочию увидеть свою смерть, он осмелился открыть глаза. Волков не было. На снегу было тепло.

И вдруг что-то радостное, такое, чего он не испытывал еще никогда в жизни, охватило мальчика. Почему-то ему стало ясно, что он спасен. Какая-то сила стояла вокруг него в лесу, меж деревьев, лилась с высокого неба, и эта сила ласкала и оживляла его. Эта сила смела куда-то страшную стаю волков, и торжествующая наполняла благоволением и радостью весь лес. То была какая-то бесплотная сила. Она неслась над землей и разливала вокруг себя успокоение и отраду. И там, куда приближалась она, белее стлалась снежная пелена, горячее и приветливее светили с неба звезды, и все с ликованием встречало сошествие чудного Младенца. Земля чужла эту животворящую силу. И пред ее шествием седые сосны склоняли свои гордые вершины, а под снежным саваном та сила совершала невыразимые вещи.

По деревьям от корней потекли живые соки, на лучах снег покрывался зеленой свежей травой, зацветали цветы. Нежный подснежник, чистый ландыш, белая ромашка, голубая незабудка, полная благоухающей влаги фиалка, - прорастали там, где за минуту лежал мерзлый снег, и в лиловых чашечках колокольчиков слышался веселый тоненький звон...

Рои легких стрекоз с прозрачными крыльями и легких бабочек кружились над расцветшими вокруг цветами...

Подняв ледяную, мгновенно растаявшую кору, журчали светлые ручьи, спеша скорее добежать до больших рек, до дальнего теплого моря...

И всюду, где проходила та сила, была торжествующая бессмертная жизнь, и не было там ни смерти, ни горя, ни сожаления...

И над всем этим просветлением и радостью шла она, всепрощающая, победоносная сила...

Вокруг нее слышался тихий полет чьих-то легких крыльев, доносились отголоски какой-то песни, когда-то давно, в такую же ночь, спетой с неба бедной освобожденной земле и услышанной тогда несколькими пастухами...

В больших городах суетою были заглушены те отголоски, но в лесу им внимала пробужденная природа, вторившая им радостным ропотом жизни, да спасенный тою силою деревенский мальчик. И, когда прошла она, снова холодно, тихо и грозно было в лесу. Не стало в нем ни журчащего ручья, ни только что расцветших цветов, ни порхающих бабочек...

Не было так же мальчика...

Только следы полозьев, да волчьих лап были по-прежнему на снегу, да весело мигали с неба ясные звезды, да старые сосны неспешно завели непонятную речь о том, что они видели...

Ускакав от волков, Михайла и Марья были в самом ужасном положении. Страшное пустое место в дровнях, где лежал, когда они выехали со двора, Николка, зияло перед ними грозным обличением. Они не смели вернуться назад высвободить Николку. И страшно было ехать вперед, страшно подумать о Церкви. В головах у них было туманно. Они не перемолвились ни одним словом и сумрачные въехали в село.

Издали в ночной морозной тишине доносился благовест звучного колокола. Скоро открылась Церковь, расположенная поодаль барского дома на высоком, издали видном месте. Около Церкви стоял гул, еще не успевшего войти внутрь народа. Здравствование и перебрасывание словами, окрики на лошадей, визг полозьев и шагов по затвердевшему снегу отчетливо раздавались в застывшем и неподвижном от холода воздухе. Мальчики плясали по снегу, чтобы согреться, и дули в пальцы; пришедшие пешком присаживались отдохнуть на выступ каменной ограды; входившие в Церковь снимали на паперти с высокою крышей шапки и крестились. Сквозь стеклянные широкие двери виден был изнутри яркий свет и колыхающаяся толпа.

Только Михайла и Марья без радости, с тяжелым сердцем, вошли в Церковь. Еще на селе им показалось, что парень во дворе у родных, которому они сдали лошадь, смотрит на них подозрительно. Не могли они отвечать никому, кто здоровался с ними; не смели никому глядеть в глаза, не смели пройти вперед и остановились неподалеку от дверей.

Прямо перед ними был алтарь. Много свечей пылало перед местными иконами, к ним прибавлялись все новые, а они не смели и подать на свечу. Михайла тосковал по сынишке, а Марья терзалась жгучим раскаянием.

Ей чудилась другая женщина, мать Николки, и эта женщина смотрела на нее неотступно грустными глазами, и в ушах Марьи слышался ужасный шепот: «Что ты с ним сделала?»

Служба шла. Отчитали шестопсалмие; открылись потом царские врата; притч вышел к иконе на середину Церкви, и раздалось величание родившемуся Младенцу. Потом пошли кадить в алтарь, и голоса детей из сельской школы тихо и стройно стали повторять слова величания. В это время Марья, широко раскрытыми глазами смотревшая вперед, дернула мужа.

- Видишь, - сказала она, чуть не задыхаясь, - Николки душенька по Церкви ходит.

- Вижу, отозвался Михайла.

Действительно, Николка в старом полушубке и валенках, держал в руках старый картузишко, видимо, только для Михайлы и Марьи, ходил по Церкви. Он шел за священником, входил за ним в алтарь, вышел назад и пошел за ним по Церкви. И, когда священник, недалеко от Михайлы и Марьи, покадил в их сторону, шедший за священником Николка, низко им поклонился.

- Поедем домой. Мочи нет моей, - шепнула Марья мужу, и они вышли из Церкви и поехали домой другим путем.

Не смела Марья молиться, но в уме ее стояла одна мысль, - что Бог велик и что Он мог бы сделать так, как будто ничего этого не было. С сокрушенной душой, сознавая себя последнею из грешниц, входила она в избу. Лампада теплилась перед иконой Скорбящей и образами в золотых бумажках. На лавке под образами тихо спал в полушубке, картузишке и валенках живой, невредимый Николка...

А по всей вселенной всю ту ночь ходила великая Божия сила.

Милосердие

Б. Ганаго

Дима шел по улице, крепко держась за руку мамы. Был солнечный, морозный день. Деревья словно в сказке — пушистые, невесомые! Снежок поскрипывал под ногами. Правда, мороз слегка пощипывал за нос и щёки, но Диме было уютно и тепло в меховой курточке и сапожках. Алая полоса на куртке и тёмный шарфик придавали ему вид снегиря. К тому же и шёл он, подпрыгивая от радости. Диме было весело — то ли оттого, что было воскресенье, а уроки он сделал ещё вчера, то ли оттого, что папа подарил ему новую игрушку.

В общем, настроение у него было прекраснейшее. Мама на минуту остановилась. Дима невольно залюбовался молодой серебряной берёзкой на голубом фоне, а когда оторвал от неё взгляд, то словно окунулся в лето. Перед ним светились красные, оранжевые, жёлтые пятна — лотки с фруктами. Краснощёкие тётки развешивали эти маленькие кусочки лета в шелестящие и звенящие от мороза пакеты.

расные яблоки, словно натёртые воском, ароматные апельсины и мандарины, коварный лимон! У Димы даже слюнки потекли. Мама, словно прочитав его мысли, уверенно направилась к лотку. Через несколько минут мальчик уже радостно наблюдал, как фрукты перемещаются из ящиков в шелестящий пакетик. Он уже представлял, как дома сделает из апельсина цветок, как красиво будут смотреться яблоки в вазочке на столе.

Внезапно Димины грёзы нарушил старческий голос. Какая-то старушка, задев его, протянула руку к продавщице и попросила:

— Милая, дай мне, пожалуйста, яблочко. Я очень хочу есть. Я ещё ничего не ела сегодня, и мне кажется, что я вот-вот упаду. Плохо мне...

Дима не слышал, что ответила тётя. Он не отрываясь смотрел на старушку, на иссохшую, дрожащую руку, на старенькое поношенное пальто, на то, что даже в его детском понятии нельзя было назвать обувью. Голова старушки была повязана серым платком, из-под которого выглядывал ещё один — белый.

Невольно Дима вспомнил свою бабу Настю. Она тоже всегда зимой носила два платка. Он представил её добрые, лучистые глаза, тепло её рук, жарко натопленную печку, угощавшую их пышными блинами.

По щеке старушки пробежала слеза и затерялась в морщинах, густо изрезавших её лицо.

На мгновение Диме показалось, что это баба Настя — продрогшая, в лохмотьях, голодная и одинокая. Мальчик ещё смотрел на старушку, которая решила попытать счастья у другого продавца, а рука его уже потянулась к пакету и нащупывала там яблоко, апельсины. Ага, вот, кажется, лимон, или нет — мандарин.

Дима вытянул всё, сколько поместилось в его детских ручонках, и протянул ей. Их глаза встретились. Он почти прошептал:

— Вот, возьмите, пожалуйста!

Слёзы заблестели в его глазах. Мальчик бросился к матери, прижался к ней, затем потянул за руку:

— Пойдём скорее!

Отойдя немного, мальчик обернулся. Старушка всё ещё стояла на том же месте. Она спрятала фрукты в карман, в руке её осталось только красное пузатое яблоко. Дима видел, как она перекрестилась и чему-то улыбнулась. Мальчик вздохнул и медленно пошёл с мамой. Он теперь знал, что рядом живут люди, которые нуждаются не только в солнечном свете, но и в тепле ближних. И как всё-таки здорово, что он, Дима, может им хоть чем-то помочь.

Мария Дружкова

Сказка о добре и зле

Жили-были Добро и Зло. Добро всегда людям помогало, а Зло-мешало. Они всегда ходили друг за другом. Добро имело белый цвет, а Зло-черный.

Шел по дорожке старик. Идет, на трость опирается. Устал путник, путь его длинный, долгий. Идет, пот со лба вытирает, еле ноги передвигает.

Увидело его Добро, стало ему жалко старика, обернулось Добро Добрым молодцом на коне и предлагает старику довезти его до ближайшей рощицы. Старик с радостью согласился. А по пути рассказал Добру молодцу, куда путь держит. Оказалось, что у старика больна дочь, ходить после болезни не может уже 10 лет. А старик услышал от добрых людей, что есть за горами, за лесами чудо-дерево, листья на нем белые, обладают большой целебной силой. Вот и отправился старик — это дерево искать. Добрый молодец сказал, что готов помочь старику. Обрадовался старик, за разговором и не заметили, как добрались до рощицы, присели отдохнуть в тени деревьев. Старик говорит: «Устал я, попить бы сейчас». Вдруг- откуда ни возьмись кувшин с водой. Обрадовался старик и напился воды вдоволь. И невдомек ему, что это Добрый молодец глазом моргнул, вот вода и появилась. Поехали дальше на коне Добрый молодец и старик. Вдруг, откуда ни возьмись-болото перед ними. Да такое, что и глазом его ширину и длину не объять. Опечалился старик. Он и не догадывался, что это Зло им путь преградило. А Добрый молодец успокоил его: «Ничего, сейчас что-нибудь придумаем». Моргнул Он раз, другой и у коня его крылья выросли. Сели они со стариком на коня и перелетели через болото. Только они перелетели на другой берег, как болото исчезло, обернулось черным вороном и полетело за ними в след. Обогнал ворон коня крылатого, и на пути их гору сделал.

Гора была такой высоты, что ее и на коне не перелететь. Остановились наши путники, а старик опять заплакал. «Не плачь, сейчас что-нибудь придумаем», -говорит старику Добрый молодец. Сказал Добрый молодец про себя волшебные слова и обернулся Богатырем невиданной силы. Стукнул Богатырь кулаком по горе и рассыпалась она на камешки. Обрадовался старик, а Зло все не унимается. Сели Богатырь со стариком на верного коня и поехали дальше, а Зло вперед них полетело. Обернулось Зло океаном необъятной длины и ширины. Остановились наши путники перед ним и не знают, что делать. «Я придумал», -сказал Богатырь. Хлопнул три раза в ладоши и перед ними появилась тьма-тьмущая лошадей. Стали они пить воду, пили-пили, да и выпили почти всю. Сели Богатырь со стариком на коня, да и поехали дальше. Зло опять черным вороном обернулось и полетело вперед их. Скакали-скакали наши путники на лошади, наконец доехали до того места, где роща с чудо-деревом должна быть. Смотрят, а вокруг лишь пепел один, нет ни деревьев, ни трав, ни кустарников. Сел старик и расплакался. Опечалился и Богатырь. Приложил руку ко лбу, огляделся вокруг, смотрит, а далеко за рекой стоит еще одно чудо-дерево. Свет от него идет белый-белый. Сказал об этом Богатырь старику и сели они на коня и поскакали на этот свет. Перелетели через реку, стали рвать листья с чудо-

дерева. А Зло не унимается. Превратилось оно в тучи черные, грозные. Пошло грозой страшной на путников. А путники нарвали листьев, сели на коня и полетели. Они впереди-тучи-позади. Дунул Богатырь что есть мочи на тучи. Расстояние между ними все больше и больше. Наконец улетели они от Зла, и оно их не догнало. Вошли старик с Богатырем в избушку, где у старика больная дочь лежала. Съела дочь несколько листьев от чудо-дерева и встала с кровати. Обняла старика и заплакала. Старик говорит ей: «Трудную дорогу я прошел, а помогал мне в пути вот этот Добрый молодец.» Обернулся старик, а в избе нет никого. «Ушел,»- сказал старик. «Спасибо ему, если бы не Добрый молодец, не добыл я чудо-листья.» И тогда смекнул старик, что Добрый молодец-это Добро было, а все преграды на пути им чинило Зло. «Если бы не Добро,»-сказал старик дочери, «не одолеть мне в одиночку Зла.»

Пословицы и поговорки

Тетушка Мосевна до всего села милосерда, а дома не евши сидят.
Милостивому человеку и бог подает.
Пуще божьего милосердия
И сердится, да умилосердится.
Нет больше милосердия, как в сердце царевом.
Дитятку за ручку, а матку за сердечко.
Милость смиряет.
Друг сердечный; а как зовут, не знаю.
На свете не без добрых людей.
Добро творить — себя веселить.
Бог милостив, а царь жалостив.
Несть милости не сотворшему милости.
Что в сердце варится, на лице не утаится.
С добрым жить хорошо.
Доброе слово лучше мягкого пирога.
На милость образца нет.
Каково аукнешь, таково и откликнется.
В поле пшеница годом родится, а добрый человек всегда пригодится.
Сердце — вещун, а душа — мера.
Доброму добрая память.
Которая рука по головке гладит, та и за вихор тянет.

Петина жадность (терапевтическая сказка)

В небольшом городке на самой обычной улице, в самом обычном доме жил-был мальчик Петя. Пете недавно исполнилось 8 лет, и он чувствовал себя очень взрослым. Родители на день рождения подарили ему новый красивый футбольный мяч. Петя очень дорожил этим мячом. Когда гулял на улице, не выпускал его из рук и никому из ребят не давал поиграть. Однажды, когда Петя остался дома один, он услышал в чулане какой-то шорох. Мальчик испугался, но любопытство взяло верх, он решил приоткрыть дверь и заглянуть внутрь. Там, в темноте, сидел маленький кругленький человечек...

- Здравствуй, Петя.

- Здравствуй. А ты кто?

- Я? Я маленький волшебник. Петя, ты очень хороший мальчик, поэтому я могу дать тебе все, что ты захочешь. Вот хочешь конфет?

- Хочу, – обрадовался Петя.

- Хорошо, только у меня есть одно условие.

- Какое?

- Ты конфеты должен съесть один и ни с кем не делиться.

- Ладно, — сказал Петя, — это просто, я смогу.

И человечек дал ему большую упаковку конфет. Мальчик подумал: «Как чудесно, что у меня теперь есть свой маленький волшебник! Здорово, что не надо ни с кем делиться, как постоянно учили мама с папой и бабушка».

Петя вышел на улицу. Ярко светило солнце. Тут же подбежали ребята и, увидев в руках мальчика большую упаковку конфет, стали ждать, когда же он угостит их. Но Петя прижал конфеты к себе, ушел на лавочку и все съел один.

Прошло несколько дней. Как-то под вечер Петя снова услышал шорох в чулане, на этот раз он был громче. Мальчик уже без страха открыл дверь и увидел все того же кругленького человечка, только он стал больше. Человечек улыбался.

- Здравствуй, Петя! Как замечательно, что ты заглянул ко мне. У меня для тебя есть сюрприз. — Маленький волшебник достал откуда-то новый сотовый телефон. – Вот, – протянул он его мальчику.

- Вот это, да-а-а-а! – воскликнул Петя. Родители еще не разрешали ему иметь телефон, а хотелось очень.

- Теперь он твой, – сказал человечек. — Но помни о нашем уговоре!

- Да-да! Конечно! Я никому его не дам, – быстро проговорил мальчик.

Петя был счастлив. Он вышел на улицу, весь сияя от удовольствия, хотел похвастаться, но ребята к нему не подошли. Мальчишки уже знали, что Петя с ними ничем делиться не станет, между собой они прозвали его жадиной. Весь вечер Петя просидел на лавочке один, любуясь своим новым приобретением.

На следующий день он снова заглянул в чулан. Открыв дверь, мальчик вскрикнул от неожиданности. Маленький волшебник за ночь вырос и был уже ростом с Петю.

- Здравствуй, милый Петя. Тебе нравятся мои подарки?

- Конечно! Но что с тобой происходит, почему ты растешь?

- Потому что ты мне помогаешь, спасибо тебе за это. И сегодня я приготовил для тебя особый подарок – велосипед. Он твой, бери его. Петиной радости не было границ!!!

- И никому не давать? — переспросил он.

- Никому.

Петя взял велосипед и пошел гулять, представляя, как на него с завистью будут глазеть друзья. Выйдя на улицу, увидел, что все дети играют в соседнем дворе. Петя подъехал к ним на новеньком блестящем велосипеде, но на мальчика никто не обратил внимания. «Ну и пусть», — подумал Петя. Он катался по двору почти час, а когда надоело, немного расстроенный пошел домой. «Лучше я поговорю со своим новым другом из чулана», — решил он.

Вернувшись, он обнаружил, что дверь в чулан приоткрыта. Заглянув туда, Петя в ужасе отпрянул. Маленький волшебник, был уже совсем не маленький, он еле-еле помещался в чулане. Казалось, что если он начнет двигаться, стены комнаты рухнут.

- Ты стал таким огромным!

- Да, и это все благодаря тебе! В чулане мне стало тесно, и теперь я буду жить в твоей комнате.

- Но это моя комната! И только моя!

- Конечно, конечно, я понимаю. Но я дам тебе все, что ты захочешь.

Петя задумался. Еще пару дней и человечек разрушит дом. Что тогда будет? «Так и быть, не буду жадничать и уступлю ему свою комнату», — решил мальчик.

- Хорошо, живи у меня.

После этих слов прямо на глазах волшебник стал уменьшаться. Вдруг Петю осенило, кто на самом деле этот человечек. Это была жадность!! Да, да, жадность его, Петина! Как он раньше этого не понял? Мальчик тут же взял велосипед и вышел на улицу. Увидев соседскую девочку, он предложил ей

покататься, а сам в это время побежал домой. К великой радости жадность стала меньше. Тогда Петя понял, что нужно делать дальше. Он схватил футбольный мяч и снова выбежал на улицу. На спортплощадке играли мальчишки, к которым и направился Петя. Вместе они играли до самого вечера. Домой Петя пришел радостный и уставший. Открыв чулан, он никого там не увидел. Жадность исчезла!

Юлия Лавренченко

Самый-самый

На одном прекрасном болоте жил-был маленький лягушонок, который считал себя самым-самым. А началось все с того, что мама с папой подарили ему очень модный и дорогой телефон. Вместо того, чтобы просто радоваться подарку и пользоваться смартфоном по назначению, наш лягушонок почувствовал свое превосходство. Обладая редким телефоном на своем болоте, он стал хвастаться.

— Посмотри, какой у меня классный смартфон! — обращался он к улитке.

— У меня вон какой телефон, а у тебя такого нет! — говорил лягушонок рыбке.

Многие болотные жители с завистью смотрели на дорогой смартфон, но молчали. Однажды, когда наш лягушонок игрался со своим телефоном, к нему прискакал другой лягушонок, который держал... еще более дорогой и модный планшет!

— Смотри, что у меня есть! А у тебя такого нет, — сказал он. — У тебя только телефон, да и тот уже не самый модный и крутой.

— Можно мне посмотреть твой планшет?

— Не-а! Ква! — ответил лягушонок и ускакал со своим планшетом.

А наш герой остался на прежнем месте и от досады вдруг расплакался. Теперь-то он не самый-самый.

— Ну и чего ты плачешь? — поинтересовалась у него мудрая жаба.

— Как же мне не плакать, если у кого-то есть вещь лучше, чем у меня? Ведь теперь не я, а он самый-самый! — ответил лягушонок.

— Запомни, малыш: хвастовство — дело плохое. Всегда найдется тот, кто умнее, сильнее или быстрее тебя. А, может, и тот, у кого вещи красивее, дороже и моднее. Но это не значит, что кто-то, благодаря своим вещам или талантам, лучше или хуже тебя. Так же и ты, обладая этим смартфоном, не стал лучше остальных жителей нашего болота. Просто у тебя есть эта вещь, а у них нет. Зато у них может быть то, чего нет у тебя. Поэтому не стоит

больше хвастаться перед другими своими вещами или способностями. Лучше сосредоточься на своей жизни и цени то, что у тебя есть. «Понимание таких вещей — уже большой шаг на пути к твоему росту», — сказала жаба и удалилась в свой домик.

А наш лягушонок задумался над ее словами, после чего вдруг улыбнулся сам себе и пошел к другим лягушатам, чтобы поиграть вместе с ними в веселые игры. С тех пор наш герой перестал хвастаться и другим не завидовал, если у них было что-то лучше, чем у него. Он понял, что играть с друзьями гораздо веселее и интереснее, чем хвастать пред ними.

Вопросы к сказке про хвастунишку для развития эмоционального интеллекта ребенка:

1. Почему лягушонок хвастался?
2. Изобрази, как он хвастал перед другими своим телефоном.
3. Когда лягушонок усомнился в том, что он самый-самый?
4. Чему научила его мудрая жаба?
5. Почему хвастовство — дело худое? Пусть ребенок порассуждает на эту тему.

Решение ситуационных задач

Задача 1: Антон взял с собой на улицу свою новую машинку. Во время игры у машинки сломалось колесо. Расстроенный Антон прибежал к маме и стал просить денег на новую игрушку. Мама ему отказала, сказав, что вещи надо беречь, Тогда Антон решил взять деньги из своей копилки и купить себе новую машинку. Проходя через комнату, мальчик встретил дедушку, который пытался пультом включить телевизор. Дедушка сокрушался: «Совсем пульт сломался, теперь не посмотрю свою любимую программу» Через некоторое время Антон пришел к дедушке и подарил ему новый пульт для телевизора. «Ты же хотел новую машинку купить?» - удивился дедушка. Антон ответил: «Пульт тебе дедушка важнее, а машинку мы вечером с папой починим»

Вопросы:

- Как вы думаете, правильно ли поступил Антон и почему? Что в этой ситуации относится к потребности, а что к желанию? Почему?

Задача 2: Оля очень расстроилась, когда мама и папа сказали ей, что в этом месяце не смогут купить новый велосипед и ей придется кататься на старом.

Девочка нахмурилась и сказала: «Старый велосипед некрасивый и скрипит. Просто вы меня не любите». Папа ответил Оле, что ее все любят, но велосипед — это не предмет первой необходимости, в семье есть более важные расходы. Девочка подумала: «Интересно, какие расходы могут быть важнее велосипеда». Мама предложила Оли поучаствовать в составление списка важных расходов. Получилось очень много: расходы на питание, оплату квартиры, на обувь и одежду. У Оли от этого списка даже голова закружилась. Они с папой решили велосипед помыть и смазать, чтобы не скрипел.

Вопросы: Как вы думаете, какие расходы в семье самые важные? Вы бы согласились все деньги истратить на новую игрушку и неделю не есть, не пить, жить без света?

Иванова Елена Николаевна

Сказка для детей "Маленькая звездочка"

Знаешь ли ты, малыш, откуда на небе появляются звезды? Нет? Ну тогда садись поудобнее, я тебе расскажу удивительную историю про одну маленькую звездочку...

Эта история случилась давным-давно, когда еще твои папа и мама были такие же маленькие, как ты сейчас. В одном городе родилась чудесная девочка. И Ангел с небес спустился, чтобы посмотреть на нее. Он всегда приходил к маленьким детям в их день рождения, и когда они улыбались ему, то он зажигал на небе для них звезду. Вот и эта девочка улыбнулась Ангелу.

Тогда он поднялся на небо и зажег для малышки маленькую звездочку.

И сказал Ангел:

- Свети, звездочка, этой девочке, радуй ее, когда ей будет грустно и помогай ей в трудную минуту.

С тех пор наша звездочка стала сиять на небе. А по ночам, когда весь город спал, маленькая звездочка заглядывала в окно к девочке и берегла ее сон. А малышка даже не знала о том, что у нее есть ее собственная звезда. Шло время, и девочка выросла. Она любила смотреть на небо и разговаривать со звездами. Но больше всего ей нравилась одна маленькая звездочка, которая всегда весело мигала.

Но однажды девушка тяжело заболела. Доктора не знали, что с ней случилось и не могли ей помочь. Перестала девушка есть и пить.

И тогда спросила звездочка у Ангела:
- Ангел, что случилось? Почему девушка больше не разговаривает с нами?

Ответил Ангел:

- Она заболела и никто не знает, как ей помочь. Загрустила маленькая звездочка, уже не сияла она так ярко как прежде, не мигала весело людям. День и ночь думала звездочка о том, как помочь больной девушке. А знала звездочка, что если она упадет с неба, то сможет исполнить любое желание. Рассказала она Ангелу о том, что хочет спуститься на землю. Ангел ответил ей:

- Если ты упадешь, то уже никогда не сможешь вернуться обратно на небо, не увидишь своих звездочек – подружек.

- Пусть! – воскликнула маленькая звездочка, - пусть! Зато это все будет не зря, я смогу помочь.

Она крепко зажмурила глаза, сорвалась с неба и полетела вниз.

- Вернись! – кричали ей вслед ее подружки.

- Вернись! – воскликнула Луна.

Но она летела и летела, и вдруг упала в руки к больной девушке.

- Кто ты? – воскликнула девушка.

- Я маленькая звездочка, я прилетела, чтобы помочь тебе.

- Но как ты можешь мне помочь?

- Разве тебе неизвестно, что когда падают звезды, то они исполняют желание? Скорей, загадывай свое желание, пожелай, чтобы опять быть здоровой. – прошептала чуть слышно звездочка. У нее уже совсем не было сил. - Поспеш, если я погасну, я уже не смогу выполнить твоё желание.

Девушка пожелала выздороветь, маленькая звездочка улыбнулась, исполнила ее желание и погасла.

Все это время Ангел наблюдал с небес за ними, и ему стало жаль маленькую звездочку.

Тогда он сказал:

- Я возвращаю тебя на небо, маленькая звездочка, за твой хороший поступок. И будешь ты сиять до тех пор, пока люди делают добрые дела. И чем больше добрых дел сделают все, тем ярче ты будешь.

И ты, малыш, посмотри на небо, там, где-то есть и твоя звезда, которую для тебя зажжет Ангел. А видишь ли ты на небе яркую звездочку? Помни, мой друг, что светит она в ночи всем до тех пор, пока на земле есть добро, пока все мы помогаем друг другу. Помни это, малыш, всегда.

Королев Алексей - Лев Коро

Сказка про Деда Мороза и Снегурочку

Когда и кто эту историю рассказал? Никто не помнит? Кто и когда её слышал? Никто не знает? А история эта вот о чём...

Жил Дед Мороз со своею Снегурочкой на Северном полюсе, огромном ледяном острове, именуемом Арктикой. В этом царстве зимы никогда не было других времён года, дни здесь были самые короткие на Земле. Солнце как бы боялось замёрзнуть и быстро покидало этот вечно ледяной и неприветливый край, а длинными ночами сверкали холодом звёзды и северное сияние. И никого, кроме Деда Мороза и Снегурочки, в этой арктической пустыни не было.

Так бы и продолжали они жить в печальном одиночестве, если бы не сон, который увидела Снегурочка накануне нового года.

А приснилось ей, что они с Дедом Морозом оказались в гостях у ребят на новогодней ёлки. И вся эта радостная встреча с песнями, играми, танцами, новогодними игрушками и подарками была как наяву.

Проснувшись, Снегурочка непроизвольно стала повторять запомнившиеся слова одного из услышанных стихов ребят:

Тик-так - часы стучат.

Топ-топ - Новый год идёт.

Там-там ёлочка растёт.

Тут-тут подарочки дают.

Дедушка, дедушка! - громко и радостно вскрикнула Снегурочка, звонко стуча хрустальными каблучками по полу ледяного дворца. Дед Мороз сидя в ледяном кресле хладнокровно спросил:

-Я слушаю тебя, внученька.

-Дедушка, мы не одни, мы не одни!

-Что произошло, Снегурочка?

-Дедушка, я видела сон, я видела ребят. Их там много, им всем вместе весело. Я хочу к ним! Я очень хочу к ним, дедушка!

Дед Мороз встал и подошёл к Снегурочке, тепло обнял её и улыбнулся:

-Конечно, конечно же ты их увидишь скоро. Только не волнуйся так.

-Нет! Ты просто меня успокаиваешь. Ты не веришь мне! - Снегурочка заплакала, и из её больших глаз упали крупные льдинки слёз.

-Хорошо, хорошо, я тебе обещаю, мы завтра же тронемся, в путь, правда, я не знаю дороги к этим ребятам.

-Я тебе всё покажу, дедушка, я всё запомнила! Подпрыгнув от радости, Снегурочка в обе щеки расцеловала Деда Мороза.

Три дня до нового года...

На другой день к утру Дед Мороз и Снегурочка были готовы к дороге. Дед Мороз достал свой посох и, стукнув им два раза, пожелал, что бы северное сияние служило им дорожкой по небу, а звёзды освещали им верный путь. В один миг цепочкой звёзды выстроились, и кружево северного сияния дорожкой вытянулось, приспустило один край к ногам Деда Мороза и Снегурочки. Едва они ступили на неё, дорожка, в воздухе змейкою паря, сама в путь освещенный двинулась.

Два дня до Нового года...

Целый день Дед Мороз со Снегурочкой летели над Арктикой, а в конце дня их дорожка-скоролёт стала на глазах быстро укорачиваться и всё ниже и ниже опускаться на неизвестную им землю. Это оказались острова Северной Земли, хозяином которых был белый северный медведь.

-Дедушка смотри, какое забавное существо приближается к нам, - только и успела сказать Снегурочка, как раздался гремучий голос большого белого медведя:

-Кто вы и что вам здесь нужно?

-Мы со Снегурочкой спешим на новогоднюю ёлку к ребятам. Не мог бы ты нам к ним помочь добраться?

Ничего не ответил медведь, лишь улыбнулся и покорно подставил свою лохматую спину. Во всю мочь он нёс Деда Мороза и Снегурочку, и к утру они достигли Большой Земли.

-Я дальше идти не могу. Это тундра, и её властелин - благородный северный олень. Он вам поможет путешествовать дальше. Прощайте!

Один день до Нового года...

И вот уже Дед Мороз со Снегурочкой продолжили путь верхом на северном олене. Весь следующий день они мчались без усталости по просторам тундры.

Впереди была тайга с её многочисленными обитателями. Узнав, что перед ними настоящий Дед Мороз и Снегурочка и что они опаздывают на встречу Нового года с ребятами, звери с радостью согласились помочь. Как и раньше, при помощи волшебного посоха появились великолепные сани, в упряжке которых встали: лось и медведь, волк и кабан, лиса и заяц, соболь и белка. А тетерева с глухарями тоже помогали: с высоты птичьего полёта высматривали наиболее проходимые для саней места.

Один час до Нового года...

А вот и сам Байкал, море-озеро! И его дочь красавица Ангара.!

Дед Мороз и Снегурочка поблагодарили гостеприимных таёжных зверей и двинулись на быстроходных лыжах дальше к старинному

купеческому городу Иркутску. Именно там побывала наша Снегурочка во сне за три дня до наступления Нового года.

Часы бьют 12.

Наконец появились вечерние огни Иркутска с его прекрасной новогодней ёлкой и весёлым хороводом ребят.

Дед Мороз и Снегурочка услышали:

Тик-так - часы стучат.

Топ-топ - Новый год идёт.

Там-там ёлочка растёт.

Тут-тут подарочки дают.

- Да я же всё это видела во сне, дедушка! - воскликнула Снегурочка и, счастливая, стала вместе с Дедом Морозом и ребятами водить хоровод вокруг новогодней ёлки.

-С Новым годом вас, ребята! - Сказал Дед Мороз.

-С Новым годом! - вторила ему Снегурочка.

Орлова Ольга Анатольевна

Князь Владимир – Красно солнышко

Глава первая

Может Вы уже слышали

Про Владимира рассказ:

Красным солнышком прозвали

Князя на Руси у нас.

Расскажу, коль не забыла,

Вам, ребятки, я опять,

Как оно тогда все было,

Почему так стали звать.

Ольга, Игоря жена,

Народила Святослава.

Хоть растила и одна,

Вырос молодец на славу.

Княжил Святослав достойно,

Много славных делал дел,

Как и Игорь, вел он войны,

Расширял Руси удел.

Ольга уж давно хотела

Сына к вере привести,

Чтоб он стал душой и телом

Божью заповедь блюсти.
Святослав ее не слышал,
Хоть любил свою он мать.
Как с-под крылышка-то вышел,
Все стремился воевать.
У него сыны послушны
В Киеве росли тогда,
Сын Владимир от Малуши
Возле Ольги был всегда.
Выросли сыны- что нужно,
Дал он им такой завет:
Чтобы жили в мире, дружно,
И тогда не будет бед.
Ярополка – в Киев стольный,
До древлян – Олег пойдет,
А на Новгород привольный
Пусть Владимир-князь встает.
Так и сделали все споро.
Вот бы княжить, мирно жить,
Да, не тут –то было, скоро
Ярополк наш стал тужить:
- У древлян Олег мешает,
Хоть отцу он тоже сын,
Только лучше подобает,
Чтобы княжил я один.
Не унять тоску-кручину,
Как он братьев не любил,
Все ж собрал свою дружину
Да Олега погубил.
А Владимир мир хранит
В Новгородской стороне,
Он запрет отцовский чтит
О межбратовой войне.
За веселый нрав спокойный
Весь народ его признал
И Владимира достойно
Красным солнышком прозвал.
С ним Добрыня- воевода,
Подсобит, коль нужно.

Вече- выбор от народа
Все решает дружно.
Ярополку ж нет покоя:
Как Владимира убрать,
Чтобы княжество такое-
Новгород, к рукам прибрать?
И задумал этот брат
Совершить обман:
Чтоб Владимир в Киев-град
На совет был зван.
А тем временем собирать
Он войска велит:
Чтобы новгородска рать
Пала, князь-убит!
Как-Владимир-то узнал
Про Олега - брата,
Вече он к себе созвал:
Пусть придет расплата!
Ярополк- родной мне брат,
Пусть живет, оставим,
А вот стольный Киев-град
Кланяться заставим.
Вече так решило дружно:
За Владимира -горой!
Да позвать варягов нужно,
Вместе с нами встанут в строй.
Страх сковал Ярополка:
Забирает он казну,
Киев бросил, а войска
Отправляет на войну.
Так и было вот когда-то
В те далекие года:
Брат с войною шел на брата,
Отбирая города.

Глава вторая

Киев взят, Владимир княжит.
Мирно б жить, детей растить,
Да не дремлют силы вражьи:

Им нейдет Русь разбить.
Русь богата, широка,
Не найти границы.
Вот от этого пока
Всем врагам не спится:
Им бы с Русью порешить,
Поделить на части,
А Владимира лишит
Крепкой княжьей власти.
Нет покоя вновь и вновь
Славным воеводам.
Снова в битвах льется кровь
Русского народа.
Да в самой Руси нет мира,
Нет единства в вере:
Кто-то в идола-кумира,
А кто в Бога верит.
Князь Владимир так решает:
Чтобы родину спасти,
Весь народ наш подобает
К новой вере привести.
Мы держаться вместе будем
Ольгину завету:
Христианство русским людям-
Лучше веры нету.
Истуканам деревянным
Жертвы несть не будем,
Распри, злобу, месть, обманы-
Это мы забудем.
В Корсунь он войска ведет,
С моря осаждают-
И римеевский оплот-
Крепость покоряет.
Там во храме пред иконой
Князь наш преклонился,
Да по Божьему закону
После окрестился.
А вернулась наша рать
Из похода в стольный град,

Велел идолов убрать -
Нет пути уже назад!
Вновь призвал он воевод
Да бояр сплотиться,
Чтоб сгоняли весь народ
Во Днепре креститься.
Так вот было все вначале.
Князь Владимир- солнце красно,
Как в народе величали,
Принял веру не напрасно.
Вера праведна, святая,
До сих пор из года в год
Русь от края и до края
Так надежно бережет!

Богданова Анастасия

Финансовая грамотность со сказочными героями «Три поросенка»

Вариант 1.

Цель. Формирование у детей представлений о рациональности выбора материала.

Содержание:

Жили-были три брата, три поросенка, и звали их Ниф-Ниф, Нуф-Нуф, Наф-Наф. Заспорили как-то поросята, из какого материала можно построить самый прочный дом. Ниф предлагает строить дом из соломы, так как солома дешевый строительный материал. Нуф считает, что дом можно построить из прутьев: прутья чуть дороже соломы, но прочнее. Наф советует строить дом из кирпича.

Вопросы к детям:

- О чем спорили поросята?
- Какие материалы (ресурсы) предлагает использовать для строительства дома каждый из поросят: солону, прутья, камень, кирпич, дерево?
- Из какого строительного материала можно построить самый прочный дом?
- Как менялся бы выбор материала, если бы поросята жили на севере, на юге?
- Как можно назвать слово «материал» по-другому?

Вариант 2. Цель. Расширение представлений детей о рациональном использовании денег.

Содержание:

Долго спорили три поросенка и, наконец, решили построить большой каменный дом. Взяли они свои сбережения, пошли в магазин «Строительные материалы» и купили все необходимые для строительства: кирпич, доски, цемент, гвозди, и разные инструменты. Потратили поросята все деньги, и были очень довольны.

Вопросы к детям:

- Как можно назвать израсходованные поросятами деньги?
- Израсходованные деньги – это доход? Расход? Прибыль?
- Что такое расход?
- Почему поросята остались довольны, ведь они потратили все деньги?
- Какое слово запишем в экономический словарь?

Вариант 3.

Цель. Формирование понимания источников денежных накоплений; развитие умения экономить.

Содержание:

Пришел однажды Волк к поросятам в гости. Угостили его поросята тортом, напоили чаем с вареньем. Волк был очень доволен и благодарил поросят. Он собрался уходить, но вдруг его внимание привлекла красивая шкатулка. Волк не удержался и заглянул в нее. А в шкатулке большое количество монет разного достоинства. «Откуда у вас столько денег?» - удивленно спрашивает волк. «Мы очень внимательно ведем учет семейных расходов. Стараемся, чтобы расходы не превышали доходов, а оставшиеся деньги откладываем в эту копилку», - с гордостью сообщили поросята.

Вопросы к детям:

- Как называются деньги, которые поросята откладывали в копилку?
 - Как называются оставшиеся деньги поросят: заработная плата, накопление? Подарок, сбережение?
 - Что такое денежное накопление (сбережение? Когда оно появляется? - Какое слово запишем в экономический словарь?)
- «Выгодное дело»

Журавль

Т. Вершинина

В одной деревне жил-был Колодец с Журавлем. Хороший колодец, глубокий. Вода в нем была чистая, вкусная и холодная-холодная! Даже в самые жаркие летние дни.

Жители деревни любили свой колодец, а Журавль помогал им доставать из колодца воду.

Однажды из дальнего леса прилетела в деревню Сорока. Она села на самую верхушку Журавля и застрекотала:

- Ты кто такой и что тут делаешь?

- Я Журавль, — прокричал в ответ Журавль. — Я достаю...

- Ты Журавль? — перебила его Сорока. - Да какой же ты Журавль? Где у тебя крылья? А летать ты умеешь?

- Нет, не умею, — спокойно ответил Журавль.

- Ну вот видишь, а Журавли летают.

- А как это? - заинтересованно спросил Журавль.

- Ну, так же, как я, — прострекотала Сорока, сорвалась с Журавля, облетела вокруг него и села на место. - Журавли — птицы, а ты кто?

- Я Журавль, но летать я не умею, — ответил Журавль. - А это приятно?

- Еще как, — застрекотала Сорока. Вот ты стоишь тут на одном месте, а мы, птицы, можем летать, куда хотим. Журавли вот даже в жаркие страны летают!

Журавль задумался и приуныл.

Да ты не расстраивайся! — затараторила Сорока. Я знаю в нашем лесу Филина. Говорят, он колдун. Он может тебе помочь. Наколдует тебе крылья и научит летать. Жди! Сегодня ночью я его к тебе пришлю, — прострекотала Сорока, вспорхнула и улетела в свой лес.

Журавль стал ждать. Весь день. Весь вечер. А ночью бесшумно, как тень, к нему прилетела огромная птица и уселась на его верхушке.

- У-ху-ху! У-ху-ху! — зловеще прокричала она, взмахнула крыльями и ударила журавля своим изогнутым клювом.

И Журавль почувствовал, что шест на его спине лопнул, и из него появились длинные широкие крылья.

- У-ху-ху! У-ху-ху! — вновь прокричал филин, взмахнул крыльями и поднялся в воздух.

Журавль тоже взмахнул своими новыми крыльями, с трудом вырвался из земли взмыл вверх вслед за Филином.

- Ты куда?! А Я? — закричал Колодец, но Журавль его не слышал.

Сильные крылья несли его все дальше и дальше знакомой деревни, от родного Колодца...

Всю ночь и весь день летал Журавль. Он поднимался под самые облака, спускался к самой земле, добирался до далекого леса и возвращался назад. Под вечер он пролетал над своей деревней и вдруг увидел его вокруг

его родного Колодца собрались люди. Они пытались достать из Колодца воду, но у них ничего не получалось.

Люди беспомощно разводили руками и сокрушенно качали головой.

Журавлю вдруг стало стыдно, что бросил свою работу Кто теперь поможет людям?

И Журавль решительно повернул к земле.

Утром удивленные люди увидели, что Журавль стоит на месте, тихонько покачивая ведром, как будто приглашая опустить его в колодец и достать из него чистой холодной воды.

Вечером прилетела Сорока, застрекотала:

- Ты что это, опять здесь торчишь? Что, летать не понравилось?

- Понравилось, - ответил Журавль. – Но, когда я летаю, я делаю приятное только себе. А здесь –я делаю приятное полезное многим. Ведь я пою водой целую деревню!

Примечание: Журавль - длинный шест для подъема воды из колодца. К одному его концу крепится цепь с ведром, к другому - груз.

Рождество (из книги «Добрый старичок»)

Б. Споров

Давным-давно это было. Вас тогда ещё и ангелы на свет не принесли, ещё и дедушка Иван Морозов пешком под стол ходил. А дедушке-то Ивану, ого! Утречком ноне сто лет сбилось. Вот как давно! С тех пор быличка и живёт.

...В деревне той люди жили ни хорошо, ни плохо, так – ничего. Хотя думали они, что живут очень хорошо. Отцы да матери много работали, а по воскресным дням и праздникам ходили в соседнее село к обедне в Никольскую церковь. И дети тянулись к Божиему солнышку – ладно и складно.

На краю деревни и жила семья Петровых – дружная, ладная семья: у Николая и Марии дочке старшей, Нине, исполнялось десять годков, а ещё четыре брата – Серёжа, Петя, Ваня и младший, Николушка, ему пять. Сестра и коноводила братьями. Хорошо жили. Да только ворон чёрный над Русью кружил и злобно каркал – ревновал, что люди мирно живут. И загремела война, лютая и долгая. Всех молодых мужей на войну идти обязали. И Николая Петрова – тоже. Осталась Маруся одна с детьми. Стали они каждый день папаньку своего ждать. Да вот беда: под падучей звездой, зная, родился тятенька. И месяца не прошло – погиб Николай Петров. Вся семья оплакивала его: мать плакала, глядя на детей, – сиротиночки; а дети плакали,

глядя на мать: «Маменька, родненькая...» Дети-то поплачут, да и уснут, а мать наплачется – ночь и не спит: думы-думушки одна другой горше. И плакала Маруся не день, не два, плакала полгода: изнемогла, хвороба пристала. Истончилась вся, иссохла. Печь протопить, еду приготовить нет сил. Дочка Нина и справлялась по дому. Долго ли, коротко ли, начали дети плакать уже от голода и неухоженности. Вот тогда-то они и удумали пойти искать Рождество.

Маменька, расслабленная, лежала в горенке. А Нина с братьями заберутся на печь, чтобы угреться, и сестра рассказывает им такое, о чём и сама Бог весть от кого узнала. Так однажды и говорит:

– Ежели мы не пособим, маменька помрёт. Мы останемся одни – и тоже помрём... Давайте не реветь, а кто будет реветь, тому по затылку. Вот... Скоро придёт Рождество. Все уже ждут. – И дальше Нина перешла на шёпот: – Говорят, кто первый Рождество встретит, того все желания исполнятся...

И задумывали они только, чтобы мама избавилась от хвори и папанька бы с войны пришёл. Чинили одежонку и даже запятники к валенкам пришивали, чтобы снег не попадал. Да так это все вознамерились идти, что задёргали сестру: когда да, когда пойдём?

И наконец – Сочельник! После полудня обутые, одетые братья пробрались гуськом в двери. Нина сказала маме:

– Мы погулять, – и вышла следом.

Во дворе она взяла приготовленные загодя дровешки с подстилкой и вышла на улицу. Мороз был не сильный, но за щёки поцапывал. Николушке до глаз подняли шерстяной платок. И сказала сестрица братьям:

– Все перекреститесь и скажите вслух: «Рождество, помоги». – И никто из братьев не ослушался. – А теперь пошли через проулок.

Нина с Николушкой впереди, трое братьев следом... а на повороте в проулок возле своей избы стоял Захар Чернов, мужик едкий и притворный. Он шибко умел притворяться – и ему верили. Один глаз у него мог смеяться, а другой тогда же – плакать. Он притворился – и его на войну не взяли, и теперь он ходил по деревне живой. Ходил Захар и по вдовам, притворялся перед ними. Он и к Марусе Петровой приходил и сказал ей:

– Туда собралась, что ли?.. Дак подпиши мне избу, я и о детях позабочусь. И она согласилась:

– Ладно, подпишу...

Захар стоял возле угла своей избы, смотрел на отряд Петровых, щурил глаза и кривил губы. Когда подошли, Захар притворился и спросил:

– Куда же это вы, сиротки, снарядились?

Нина поверила ему и сказала:

– Встречать Рождество, – и указала рукой в сторону леса.

– А-а-а, – пропел Захар, – ступайте... Только ведь далеко, сапоги изорвутся.

– У нас сапоги крепкие, и мы сильные, – сказал старший из братьев, и Нина подтвердила: сильные.

– Ну так валяйте, и дорога вам пухом...

Гуськом и потекли они в проулок. Когда миновали ржаное поле, несколько раз вразнобой пропели:

– Рождество, Христе Боже наш...

И всем стало радостно, и они потопали быстрее. Не то ведь опоздать можно – кто-то и опередит... Но, когда вышли к роще, заплакал Николушка – устал. Нина посадила его на дровешки и прикрыла ему ноги соломкой. Поехали.

Увидел ветерок, что идти трудно, подул пошибче в спину, подхватил снежку с обочины и тоже в спину бросил, чтобы не оглядывались... Увидел морозец, что взопрели на ходу, – и приободрил: цапнул за щёки... Солнышко поиграло, ослепило да в тучки и унырнуло.

Захныкал Николушка – нога в сапоге озябла. Подняли его с дровешек: ногами, ногами потопай-попрыгай, согревайся. А дорога-то мимо леса борового в поле перекатное ведёт: далеко видно – и никого нет впереди. И только играет, вьётся позёмка.

– Рождество, Христе наш! – попыталась пропеть Нина, но братья не поддержали. Уже и деревня скрылась за буграми, и роща поотстала, и по снегу поплыли серые сумерки, а они всё шли.

Заплакал семилетний Серёжа. Его обступили, и Нина спросила:

– Ты что хнычешь?

– Боюсь, – сказал Серёжа. – Домой хочу. – И ещё горше заплакал.

– Не плачь, мы встречаем Рождество, чтобы мама не померла и папанька с войны вернулся.

И пошли дальше по перекатному полю.

Брат Петя захныкал – устал. И тогда сказал старший из братьев, Ваня:

– Давайте сядем на дровешки и отдохнём.

И все согласились: торопливо уселись на грядки дровешек спиной к спине – ноги поджали. Но между спинами лазейка – туда и просвистывал ветер. И уже скоро спины заледенели.

– Нет, – сказала Нина, – надо идти, а то мы прозябнем.

Но когда поднялись, в ногах не было сил, чтобы идти дальше. Они стояли возле дровешек и не знали, что же им делать. Всем стало страшно,

потому, как и в деревню не хватит сил дотопать. Они начали слёзно и разногласно звать:

– Рождество, Христе... Рождество, помоги!..

И когда уже не было сил звать, они увидели, что в поле что-то поблескивает. Николушка плакал. Прижались они друг к другу и молча дрожали от страха и холода. Скоро стало видно: идёт человек с ношей за плечами.

– Это Рождество, – тихо сказала Нина и осипшим голосом закричала: – Рождество, помоги нам!

И человек с ношей за плечами издали помахал рукой.

А Николушка лёг на дровешки – его клонило в сон, и он хныкал.

Уже видно было, что идёт Старичок с белыми бородой и усами, в большой шапке, в широкой нагольной шубе, из-под которой при каждом шаге выныривают круглые катанки. Он часто дышал, выпуская большие клубы тёплого воздуха, видать, спешил.

– Христос рождается, Николины детки... Встань, Николушка, на ноги, встань, что я тебе покажу! – воскликнул Старичок.

Все молчали, и только Нина тихо спросила:

– А ты – Рождество?

– Значит, вы теперь – с Рождеством! – весело ответил Старичок и снял со спины ношу – большой, полный под завязку мешок. Он запустил в глубокий карман руку и достал конфету в обёртке. – А это Николушке!

Но Николушка смотрел на Старичка стеклянными глазами и никак не отзывался. И тогда Старичок ладонями отёр ему лицо. Николушка улыбнулся и взял конфету. И всем по очереди Старичок отёр лица ладонями, всех обдал своим теплом – стало весело.

Старичок развязал мешок и со словами:

– А это опять Николушке, – достал из мешка большой нарядный пакет с подарками. Николушка так и обхватил руками этот пакет. А Старичок уже доставал – для Серёжи... для Пети... для Вани, и, наконец, красивый голубой пакет для Нины. – А ты, дочушка, что загадала к Рождеству? Не этот ли пакет?

Нина покачала головой, потупилась и тихо сказала:

– Нет, Рождество... я, чтобы... наш папанька на войне... а мама лежит хворая.

– Беда-то ведь какая! – Старичок охнул, да так и всплеснул руками. – Но и маме вашей есть у меня подарок для здоровья! – и достал из мешка маленький пакет, с рукавицу, не боле. – Вот это хворой маме – хоро-о-ший подарок! И чтобы завтра утречком все в церковь – и мама тоже!

Смотрели дети Петровы на Старичка, и у всех в глазах радость.

– А теперь – все в дровни! – весело приказал Старичок. – Вон и звезда зажглась – спешить надо! Да крепче держитесь!..

Угнездились они на дровешках плотненько. Старичок вскинул на спину мешок, а мешок его стал ещё больше, подхватил поводья от дровешек – и покатались саночки, да так, что ветер заохал; от ветра и позёмки все зажмурились... А когда через минуту открыли глаза, дровешки стояли возле дома и Старичка рядом не было. Можно было подумать, что его и вовсе не было, но ведь у всех в руках пакеты с подарками.

Братья радостно шли по хрустящему снегу и смеялись, забыв, что давно уже голодные и устали. А сестра сказала:

– А теперь все вместе: «Рождество, Христе Боже наш, – спасибо!»

Пропели и поспешили в избу. А там горько плакала мама – пропали дети! – так горько, что и соседка-старушка не могла её утешить. И когда радостные дети вошли один за другим в избу, мама лежащая тихо вскрикнула:

– Да где же вы были, родненькие?!

– Рождество встречали!

– Первые! – петушком оповестил Николушка. – Во! – и выше поднял пакет с подарками.

Зашумели, загалдели, начали заглядывать друг другу в пакеты и обступили плачущую маму. – Да вы хоть толком скажите... И Нина сказала:

– Добрый Старичок – Рождество! Он и тебе подарок прислал, только маленький. И велел завтра всем в церковь – и тебе тоже. – Она не решалась передать маме маленький пакет, хотела отдать свой, большой, но страшилась послушаться Старичка. Нина опустила глаза и повторила: – А тебе, мама, маленький подарок... но мы поделимся!

Мать взяла бледными расслабленными руками пакет, раскрыла его, достала большую просфору – и ахнула:

– Господи, где же вы взяли Богородичную просфору?! Да большая – никогда такой и не видывала, – прошептала она и со слезами радости начала целовать просфору. – Где же вы Рождество встретили?

– А на просёлке, за боровым лесом, – радостно ответила Нина.

У матери и язык отнялся – это ведь за семью верстами!

А рано утром, когда дети ещё спали, мама Маруся поднялась с постели, со слезами помолилась перед иконами, съела половину большой просфоры и впервые за время болезни сама взялась хозяйничать... Уже и печь протопилась, и в избе стало совсем тепло, и окна из чёрных стали серыми, когда вдруг в окно резко кто-то постучал. Мария отвела рукой занавеску – за окном мужчина в полушубке, а за ним пара лошадей с розвальнями.

– В церковь, к Николе, повезу! – крикнул с улицы возница. Мария руками развела – не собраны.

– Время терпит, собирайтесь! – и возница весело засмеялся. – С Рождеством!

И тотчас дети проснулись: скоренько к умывальнику, живее одеваться – а ну как добрый Старичок на лошади! А тут и маменька на ногах, и она с ними!

И запели:

– Рождество Твое, Христе Боже наш!..

И не до еды – какая еда! Быстро снарядились – и на улицу... Возница усадил всех в розвальни, укрыл тулупом и взялся за вожжи:

– А ну, залётные!..

Скрипнули розвальни – и запели полозья дорожную песню. Экая радость!

Когда же проезжали мимо проулка, все увидели Захара: левая щека его была завязана чёрным платком... После святок он снял повязку, и удивились люди: на щеке у него запечатлелась огненно-коричневая ладонь. И в деревне такой приговор вынесли: Бог шельму метит... Да и то верно: всякого вора и разбойника Господь каким-нибудь знаком метит, чтобы люди знали, с кем дело имеют: меченый...

Ранняя служба ещё не началась, когда кони, вздрагивая разгорячёнными боками, остановились возле церкви. И никто не знал, чьи это кони и чей при них возница. Выбрались из-под тулупа дети и вдова убиенного Николая Петрова. Поклонились они вознице с благодарностью и пошли в храм. На дворе мороз кусачий, а в храме тепло. Пока безлюдно – иди к любой иконе. Много свечей уже горело в подсвечниках – колышется от сквозняков пламя, потрескивают свечи. Сияют начищенные к празднику оклады и ризы на иконах, и сами иконы точно изнутри светятся. Но краше других храмовая икона Святителя Николая Чудотворца... И почудилось братьям и сестре, что перед этой иконой добрый Старичок появился. Он даже повернулся к ним, моргнул, улыбнулся – и спрятался за икону..., и дети невольно пошли к иконе, и чем ближе они подходили, тем яснее видели, что с иконы на них смотрит добрый Старичок-Рождество.

– Мама, маменька! – в страхе прошептала Нина. – Вот он – Рождество, вот он! – и от восторга заплакала.

А Маруся тихо ответила:

– Это не Рождество, это Святитель Николай, небесный покровитель нашей церкви... Папанькин и Николушкин святой. Деточки, помолимся ему на коленях...

И люди в храме видели, как пятеро детей с матерью опустились на колени перед храмовой иконой Святителя Николая Чудотворца – они лишь плакали и крестились, не в силах произнести даже слов молитвы. И добрым светом озарялся лик святого...

Вот так и ходит Николай Чудотворец по русским дорогам то странником, то Дедом Морозом, а то добрым Старичком с ношей за плечами. И тем, кто с верой просит помощи, тому помогает, но, знамо дело, не всем является воочию. А является он всякий раз по-разному, и одет бывает по-разному, чтобы его не узнавали. Да только свет от него всегда приметен, и то верно – видят не все.

Вот и быличке конец. А кто слушал – молодец.

Хлеб

К. Ушинский

Земля кормит человека, но кормит не даром. Много должны потрудиться люди, чтобы поле вместо травы, годной только для скота, дало рожь для чёрного хлеба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледелец пашет поле сохой, если не нужно пахать глубоко, или плугом, если пашет новину, или такое поле, что его пахать нужно глубже.

Соха легче плуга, и в неё запрягают одну лошадку. Плуг гораздо тяжелее сохи, берёт глубже, и в — него впрягают несколько пар лошадей или волов.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого ещё мало. Если поле новое или земля сама по себе очень жирна, то навоза не надобно; но если на ниве что-нибудь уже было сеяно, и она истощилась, то её надобно удобрить навозом.

Навоз вывозят крестьяне на поле осенью или весною и разбрасывают кучками. Но в кучках навоз мало принесёт пользы: надобно его запахать сохой в землю.

Вот навоз перегнил; но сеять всё ещё нельзя. Земля лежит комьями, а для зёрнушка надобно мягкую постельку. Выезжают крестьяне на поле с зубчатыми боронами: боронят, пока все комья разобьются, и тогда только начинают сеять.

Сеют или весною, или осенью. Осенью сеют озимый хлеб: рожь и озимую пшеницу. Весною сеют яровой хлеб: ячмень, овёс, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходит ещё с осени, и когда на лугах трава уже давно пожелтела, тогда озимые поля покрываются всходами, словно зелёным бархатом. Жалко смотреть, как падает снег на такое бархатное поле.

Молодые листочки озими под снегом скоро вянут; но тем лучше растут корешки, кустятся и глубже идут в землю. Всю зиму просидит озимь под снегом, а весной, когда снег сойдёт и солнышко пригреет, пустит новые стебельки, новые листки, крепче, здоровее прежних. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чем ляжет снег; тогда, пожалуй, озимь может вымерзнуть. Вот почему крестьяне боятся морозов без снега и не жалеют, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстым снежным одеялом.

Старый дед и внучек

Л.Н. Толстой

Стал дед очень стар. Ноги у него не ходили, глаза не видели, уши не слышали, зубов не было. И когда он ел, у него текло назад изо рта. Сын и невестка перестали его за стол сажать, а давали ему обедать за печкой.

Снесли ему раз обедать в чашке. Он хотел её подвинуть, да уронил и разбил. Невестка стала бранить старика за то, что он им всё в доме портит и чашки бьёт, и сказала, что теперь она ему будет давать обедать в лоханке. Старик только вздохнул и ничего не сказал.

Сидят раз муж с женой дома и смотрят — сынишка их на полу дощечками играет — что-то слаживает. Отец и спросил:

— Что ты это делаешь, Миша?

А Миша и говорит:

— Это я, батюшка, лоханку делаю. Когда вы с матушкой стары будете, чтобы вас из этой лоханки кормить.

Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать его за стол и ухаживать за ним.

Именинный обед

В. Сухомлинский

У Нины большая семья: мать, отец, два брата, две сестры, бабушка.

Нина самая маленькая: ей девять лет. Бабушка самая старшая; ей восемьдесят два года.

Когда семья обедает, у бабушки дрожит рука. Все к этому привыкли и стараются не замечать.

Если же кто-нибудь посмотрит на бабушкину руку и подумает: почему она дрожит? – рука ее дрожит еще сильнее. Несет ложку бабушка – ложка дрожит, капельки на стол капают.

Скоро день рождения Нины. Мать сказала, что на ее именины будет обед. Она с бабушкой испечет большой сладкий пирог. Пусть Нина пригласит своих подруг.

Пришли гости. Мама накрывает стол белой скатертью. Нина подумала: и бабушка за стол сядет, а у нее рука дрожит. Подруги смеяться будут, расскажут всем в школе.

Нина сказала тихонько маме:

– Мама, пусть бабушка сегодня за стол не садится...

– Почему? – удивилась мама.

– У нее рука дрожит... Капает на стол...

Мама побледнела. Не сказав ни слова, она сняла со стола белую скатерть и спрятала в шкаф.

Мама долго сидела молча, потом сказала:

– У нас сегодня бабушка больна. Именинного обеда не будет.

Поздравляю тебя, Нина, с днем рождения. Мое тебе пожелание: будь настоящим человеком.

Волшебное слово

В.А. Осеева

Маленький старичок с длинной седой бородой сидел на скамейке и зонтиком чертил что-то на песке.

— Подвиньтесь, — сказал ему Павлик и присел на край.

Старик подвинулся и, взглянув на красное, сердитое лицо мальчика, сказал:

— С тобой что-то случилось? — Ну и ладно! А вам-то что? — покосился на него Павлик.

— Мне ничего. А вот ты сейчас кричал, плакал, ссорился с кем-то...

— Ещё бы! — сердито буркнул мальчик. — Я скоро совсем убегу из дому.

— Убежишь?

— Убегу! Из-за одной Ленки убегу.

— Павлик сжал кулаки. — Я ей сейчас чуть не поддал хорошенько! Ни одной краски не даёт! А у самой сколько!

— Не даёт? Ну, из-за этого убежать не стоит.

— Не только из-за этого. Бабушка за одну морковку из кухни меня прогнала... прямо тряпкой, тряпкой...

Павлик засопел от обиды.

— Пустяки! — сказал старик. — Один поругает, другой пожалеет.

— Никто меня не жалеет! — крикнул Павлик. — Брат на лодке едет кататься, а меня не берёт. Я ему говорю: «Возьми лучше, всё равно я от тебя не отстану, вёсла утащу, сам в лодку залезу!» Павлик стукнул кулаком по скамейке. И вдруг замолчал.

— Что же, не берёт тебя брат?

— А почему вы всё спрашиваете?

Старик разгладил длинную бороду:

— Я хочу тебе помочь. Есть такое волшебное слово...

Павлик раскрыл рот.

— Я скажу тебе это слово. Но помни: говорить его надо тихим голосом, глядя прямо в глаза тому, с кем говоришь. Помни — тихим голосом, глядя прямо в глаза...

— А какое слово?

Старик наклонился к самому уху мальчика. Мягкая борода его коснулась Павликовой щеки. Он прошептал что-то и громко добавил:

— Это волшебное слово. Но не забудь, как нужно говорить его.

— Я попробую, — усмехнулся Павлик, — я сейчас же попробую.

— Он вскочил и побежал домой.

Лена сидела за столом и рисовала. Краски — зелёные, синие, красные — лежали перед ней. Увидев Павлика, она сейчас же сгребла их в кучу и накрыла рукой.

«Обманул старик! — с досадой подумал мальчик. — Разве такая поймёт волшебное слово!..»

Павлик боком подошёл к сестре и потянул её за рукав. Сестра оглянулась.

Тогда, глядя ей в глаза, тихим голосом мальчик сказал:

— Лена, дай мне одну краску... пожалуйста...

Лена широко раскрыла глаза. Пальцы её разжались, и, снимая руку со стола, она смущённо пробормотала:

— Какую тебе? — Мне синюю, — робко сказал Павлик. Он взял краску, подержал её в руках, походил с нею по комнате и отдал сестре.

Ему не нужна была краска. Он думал теперь только о волшебном слове.

«Пойду к бабушке. Она как раз стряпает. Прогонит или нет?»

Павлик отворил дверь в кухню. Старушка снимала с противня горячие пирожки.

Внук подбежал к ней, обеими руками повернул к себе красное морщинистое лицо, заглянул в глаза и прошептал:

— Дай мне кусочек пирожка... пожалуйста.

Бабушка выпрямилась. Волшебное слово так и засияло в каждой морщинке, в глазах, в улыбке.

— Горяченького... горяченького захотел, голубчик мой! — приговаривала она, выбирая самый лучший, румяный пирожок.

Павлик подпрыгнул от радости и расцеловал её в обе щеки.

«Волшебник! Волшебник!» — повторял он про себя, вспоминая старика.

За обедом Павлик сидел притихший и прислушивался к каждому слову брата. Когда брат сказал, что поедет кататься на лодке, Павлик положил руку на его плечо и тихо попросил:

— Возьми меня, пожалуйста. За столом сразу все замолчали.

Брат поднял брови и усмехнулся.

— Возьми его, — вдруг сказала сестра. — Что тебе стоит!

— Ну, отчего же не взять? — улыбнулась бабушка. — Конечно, возьми.

— Пожалуйста, — повторил Павлик.

Брат громко засмеялся, потрепал мальчика по плечу, взъерошил ему волосы:

— Эх ты, путешественник! Ну ладно, собирайся!

«Помогло! Опять помогло!»

Павлик выскочил из-за стола и побежал на улицу. Но в сквере уже не было старика.

Скамейка была пуста, и только на песке остались начерченные зонтиком непонятные знаки.

Из детских воспоминаний

К. Д. Ушинский

23 декабря. Завтра рождественский сочельник, и сегодня распустили нашу школу. Насилу-то мы досидели последний урок! Я так бежал домой, что потерял было книгу. До 8-го января мы свободны. Эта первая треть учебного года -- самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсем развалилась; надобно бы устроить кукольный театр маленьким братьям и сестрам: я об этом позабочусь.

24 декабря. " Кутья стоит на покути, а узвар пошёл на базар", - сказала нам сегодня няня. Кутья, точно, стояла в переднем углу, под образами, на сене; да и узвар с базара воротился и оказался очень вкусным. Мамаша рассказала мне, зачем кутью ставят на сено. Вечером была страшная метель; но это не помешало мальчикам и девочкам прийти колядовать. Ох,

как воеет в трубе! Как жутко должно быть теперь в открытом поле! Так ли вы провели рождественский сочельник?

25 декабря. Рождество Христово. Когда мы проснулись сегодня, метель уже утихла, и солнце светило ярко. У наших кроваток лежали подарки: я получил книгу с картинками и краски; Вера и Надя -- новые куклы, Костя -- лошадку, а Воля -- барабанщика, и барабанил Воля до тех пор, пока у барабанщика руки перестали подниматься... После обедни, куда нас не взяли по случаю холода, приходил к нам священник с причтом: они пели, как родился Спаситель, как появилась на небе новая звезда, как пели ангелы и как мудрецы с востока приходили поклониться Божественному Младенцу. Видно, там, где родился Спаситель, не было так холодно, как у нас, если пастухи ночевали в поле. Вечером нам приносили звезду и вертеп. Красивую звезду сделал дьячок! Вертеп тоже очень удался: страшная смерть ловко срубила голову злому Ироду. И поделом ему -- не преследуй Христа, не убивай младенцев.

Рождественский ангел

Саша Чёрный

— Подайте, Христа — ради, милостыньку! Милостыньку, Христа — ради!..

Никто не слышал этих жалобных слов, никто не обращал внимания на слезы, звучавшие в словах бедно-одетой женщины, одиноко стоявшей на углу большой и оживленной городской улицы.

— Подайте милостыньку!..

Прохожие торопливо шагали мимо нее, с шумом неслись экипажи по снежной дороге. Кругом слышался смех, оживленный говор...

На землю спускалась святая, великая ночь под Рождество Христово. Она сияла звездами, окутывала город таинственной мглой.

Милостыньку... не себе, деткам моим прошу...

Голос женщины вдруг оборвался, и она тихо заплакала, Дрожа под своими лохмотьями, она вытирала слезы окоченевшими пальцами, но они снова лились по ее исхудалым щекам. Никому не было до нее дела...

Да она и сама не думала о себе, о том, что совсем замерзла, что с утра не ела ни крошки... Вся мысль ее принадлежала детям, сердце болело за них...

Сидят они, бедные, там, в холодной темной конуре, голодные, иззябшие... и ждут ее... Что она принесет или что скажет? Завтра великий праздник, всем детям веселье, только ее бедные детки голодны и несчастны.

Что делать ей? Что делать? Все последнее время она работала, как могла, надрывала последние силы...

Потом слегла и потеряла последнюю работу...

Подошел праздник, ей негде взять куска хлеба...

О, детки, бедные детки! Ради них, она решилась, в первый раз в жизни, просить милостыню... Рука не поднималась, язык не поворачивался... Но мысль, что дети ее есть хотят, что они встретят праздник — голодные, несчастные, эта мысль мучила ее, как пытка. Она готова была на все. И за несколько часов ей удалось набрать несколько копеек... Несчастные дети! У других детей - елка, они - веселы, довольны в этот великий праздник, только ее - дети...

"Милостыньку, добрые люди, подайте! Подайте, — Христа—ради!"

И словно в ответ на ее отчаяние, неподалеку раздался благовест... ко всеобщей. Да, надо пойти, помолиться... Быть может, молитва облегчит ее душу... Она помолится усердно о них, о детях... Неверными шагами доплелась она до церкви...

Храм освещен, залит огнями... Всюду масса людей... веселые довольные лица. Притаившись в уголке, она упала на колени и замерла... Вся безграничная, материнская любовь, вся ее скорбь о детях вылилась в горячей молитве, в глухих скорбных рыданиях. "Господи, помоги! Помоги!" плачет она. И кому, как не Господу Покровителю и Защитнику слабых и несчастных, вылить ей все свое горе, всю душевную боль свою? Тихо молилась она в уголке, и слезы градом лились по бедному лицу.

Она не заметила, как кончилась всеобщая, не видела, как к ней подошел кто-то...

— О чем вы плачете? — раздался за ней нежный голос, показавшийся ей небесной музыкой.

Она очнулась, подняла глаза и увидела перед собой маленькую, богато одетую девочку. На нее глядели с милым участием ясные детские глазки. Сзади девочки стояла старушка-няня.

— У вас есть горе? Да? Бедная вы, бедная! Эти слова, сказанные нежным, детским голосом, глубоко тронули ее.

Горе! Детки у меня голодны, с утра не ели... Завтра праздник такой... великий...

— Не ели? Голодны? — На лице девочки выразился ужас.

— Няня, что же это! Дети не ели ничего! И завтра будут голодны! Нянечка! Как же это?

Маленькая детская ручка скользнула в муфту.

— Вот, возьмите, тут есть деньги... сколько, я не знаю... покормите детей... ради Бога... Ах, няня, это ужасно! Они ничего не ели! Разве это можно, няня!

На глазах девочки навернулись крупные слезы.

— Чтож, Маничка, делать! Бедность у них! И сидят, бедные, в голоде да в холоде. Ждут, не поможет-ли им Господь!

— Ах, няничка, мне жаль их! Где вы живете, сколько у вас детей?

— Муж умер - с полгода будет... Трое ребят на руках осталось. Работать не могла, хворала все время... Вот и пришлось с рукой по миру идти... Живем мы, недалеко... вот тут... в подвале, на углу, в большом каменном доме купца Осипова...

— Няня, почти рядом с нами, а я и не знала! Пойдем скорее, теперь я знаю, что надо делать!

Девочка быстро вышла из церкви, в сопровождении старухи.

Бедная женщина машинально пошла за ними. В кошельке, который был у нее в руках, лежала пятирублевая бумажка. Забыв все, кроме того, что она может теперь согреть и накормить дорогих ребяток, она зашла в лавку, купила провизии, хлеба, чаю, сахару и побежала домой. Щеп осталось еще довольно, печку истопить ими хватит.

Она бежала домой из всех сил.

Вот и темная конурка. Три детских фигурки бросились к ней на встречу.

— Маминька! Есть хочется! Принесла ли ты! Родная!

— Она обняла их всех троих и облила слезами.

— Послал Господь! Надя, затопи печку, Петюша, ставь самовар! Погреемся, поедим, ради великого праздника!

В конурке, сырой и мрачной, наступил праздник. Дети были веселы, согрелись и болтали. Мать радовалась их оживлению, их болтовне. Только изредка приходила в голову печальная мысль... что же дальше? Что дальше будет?

— Ну, Господь не оставит! — Говорила она себе, возлагая всю надежду на Бога.

Маленькая Надя тихо подошла к матери, прижалась к ней и заговорила.

— Скажи мама, правда, что в рождественскую ночь с неба слетает рождественский ангел и приносит подарки бедным детям! Скажи, мама!

Мальчики тоже подошли к матери. И желая утешить детей, она начала им рассказывать, что Господь заботится о бедных детях и посылает им

Своего ангела в великую, рождественскую ночь, и этот ангел приносит им подарки и гостинцы!

— И елку, мама?

— И елку, детки, хорошую, блестящую елку! В дверь подвала кто-то стукнул. Дети бросились отворить. Показался мужик, с маленькой зеленой елкой в руках. За ним хорошенькая, белокурая девочка с корзиной, в сопровождении няни, несшей за ней разные свертки и пакеты.

Дети робко прижались к матери.

— Это ангел, мама, это ангел? — тихо шептали они, благоговейно смотря на хорошенькую нарядную девочку.

Елка давно стояла уже на полу. Старуха няня развязала пакеты, вытащила из них вкусные булочки, кренделя, сыр, масло, яйца, убирала елку свечами и гостинцами. Дети все еще не могли прийти в себя. Они любовались на "ангела". И молчали, не двигаясь с места.

— Вот вам, встречайте весело Рождество! — прозвучал детский голосок. С праздником!

Девочка поставила на стол корзину и исчезла, прежде чем дети и мать опомнились и пришли в себя.

"Рождественский ангел" прилетел, принес детям елку, гостинцы, радость и исчез, как лучезарное виденье...

Дома Маню ждала мама, горячо обняла ее и прижала к себе.

— Добрая моя девочка! - говорила она, целуя счастливое личико дочери. Ты отказалась сама от елки, от гостинцев и все отдала бедным детям! Золотое у тебя сердечко! Бог наградит тебя...

"Маня осталась без елки и подарков, но вся сияла счастьем. С своим милым личиком, золотистыми волосами она в самом деле походила на "рождественского ангела".

Что сказала бы мама

Л. Воронкова

Гринька и Федя собрались на луг за щавелём. И Ваня пошёл с ними.

- Ступай, ступай, - сказала бабушка. - Наберёшь щавелю - зелёные щи сварим.

Весело было на лугу. Траву ещё не скосили. Кругом далеко-далеко пестрели цветы - и красные, и синие, и белые. Весь луг был в цветах.

Ребятишки разбрелись по лугу и стали рвать щавель. Всё дальше и дальше уходили они по высокой траве, по весёлым цветам.

Вдруг Федя сказал:

- Что-то здесь пчёл много!

- Правда, здесь пчёл много, - сказал и Ваня. - Всё время гудят.

- Эй, ребята, - закричал издали Гринька, - поворачивай обратно! Мы на пчельник забрели - вон ульи стоят!

Вокруг колхозного пчельника густо росли липы и акации. А сквозь ветки были видны маленькие пчелиные домики.

Ребята, отступай! скомандовал Гринька. - Только тихо, руками не махать, а то пчёлы закусуют.

Ребятишки осторожно пошли от пчельника. Они шагали тихо и руками не махали, чтобы не сердить пчёл. И совсем было ушли от пчёл, но тут Ваня услышал, что кто-то плачет. Он оглянулся на товарищей, но Федя не плакал и Гринька не плакал, а плакал маленький Васятка, сын пчеловода. Он забрёл на пчельник и стоял среди ульев, а пчёлы так и налетали на него.

Ребята! крикнул Ваня. - Васятку пчёлы закусали!

- А что, нам за ним на пчельник идти? — ответил Гринька. — И нас пчёлы закусуют.

«Надо его отца позвать», - сказал Федя. - Вот пойдём мимо их дома - его отцу скажем.

И оба пошли дальше. А Ваня вернулся и пошёл прямо на пчельник.

- Иди сюда! - крикнул он Васятке.

Но Васятка не слышал. Он отмахивался от пчёл и кричал во весь голос.

Ваня подошёл к Васятке, взял его за руку и повёл с пчельника. До самого дома довёл.

Васяткина мать выбежала на крыльцо, взяла Васятку на руки:

- Ах ты непослушный, зачем на пчельник ходил? Вон как пчёлы искусали! - Посмотрела на Ваню. - Ах, батюшки, Ванёк, - сказала она - и тебе от пчёл досталось из-за Васятки! Ну, да ничего, ты не бойся: поболит - перестанет!

- Мне ничего, - сказал Ваня.

И пошёл домой. Пока шёл, у него распухла губа, и веко распухло, и глаз закрылся.

- Ну и хорош! - сказала бабушка. - Это кто же тебя так разукрасил?

- Пчёлы, - ответил Ваня.

- А почему же Гриньку и Федю пчёлы не тронули?

- Они убежали, а я Васятку вёл, - сказал Ваня. - А что ж такого?

Поболит - перестанет.

Отец пришёл с поля обедать, посмотрел на Ваню и рассмеялся.

- Федя с Гринькой от пчёл убежали, - сказала бабушка, - а наш простофиля полез Васятку спасать. Вот бы мама сейчас его увидела - что бы она сказала?

Ваня глядел на отца одним глазом и ждал: что сказала бы мама?

А отец улыбнулся и похлопал Ваню по плечу:

- Она бы сказала: молодец у меня сынок! Вот бы что она сказала!

Как я помогал маме мыть пол

В. Голявкин

Я давно собирался пол вымыть. Только мама не разрешала мне. ««Не получится», — говорит, — у тебя...» — Посмотрим, как не получится!

Трах! — опрокинул ведро и пролил всю воду. Но я решил, так даже лучше. Так гораздо удобнее мыть пол. Вся вода на полу; тряпкой три — и всё дело. Воды маловато, правда. Комната-то у нас большая. Придётся ещё ведро воды на пол вылить. Вылил ещё ведро, вот теперь красота! Тру тряпкой, тру — ничего не выходит. Куда же воду девать, чтобы пол был сухой? Без насоса тут ничего не придумать. Велосипедный насос нужно взять. Перекачать воду обратно в ведро.

Но когда спешишь, всё плохо выходит. Воды на полу не убавилось, и в ведре пусто. Наверно, насос испортился.

Придётся теперь с насосом повозиться.

Тут мама в комнату входит.

— Что такое, — кричит, — почему вода?

— Не беспокойся, мама, всё будет в порядке. Надо только насос починить.

— Какой насос?

— Чтобы воду качать...

Мама взяла тряпку, смочила в воде, потом выжала тряпку в ведро, потом снова смочила, опять в ведро выжала. И так несколько раз подряд. И воды на полу не стало.

Всё оказалось так просто. А мама мне говорит:

— Ничего. Ты мне всё же помог.

Мы смотрим на Москву и в распахнутые окна галдарейки, и через разноцветные стекла — голубые, пунцовые, золотые... — золотая Москва всех лучше.

Лето Господне. Москва

И. Шмелёв

Москва в туманце, и в нем золотые искры крестов и куполов. Отец смотрит на родную свою Москву, долго смотрит... В широкие окна веет душистой свежестью, Москва-рекой, раздольем далее. Говорят, — сиренью это, свербикой горьковатой, чем-то еще, привольным.

— У меня воздух особый здесь, «крынкинский»-с!.. — гремит Крынкин. — А вот, пожалте-с в июнь-месяце... — ну, живой-то-живой

клубникой! Со всех полей-огородов тянет, с-под Девичьего... — и все ко мне. А с Москва-реки — раками живыми, а из куфни вареным-с, понятно... рябчиками, цыплятками паровыми, ушкой стерляжьей-с с расстегайчиками-с... А, чем потчевать, приказать изволите-с?.. как так — ничем! Не обижайте-с. А так скажите-с: «Степан Васильевич Крынкин! птичьего молока, сей минут!» Для Сергей Иваныча... — с-под земли достану, со дна кеян-моря вытяну-с!..

Он так гремит, — не хуже Кашина. И большой такой же, но веселый. Он рад, что хоть «крынкинской» паровой клубники удостоят опробовать. И вот, несут на серебряном подносе, на кленовых листьях, грудку веток спелой крупнеющей клубники... — ну, красота!

... Отец смотрит на Москву, долго-долго. И будто говорит сам с собой: — А там... Донской монастырь, розовый... Вон, Казанская наша... а то — Данилов... Симонов... Сухарева башня.

Подходит Горкин, и начинают оба показывать друг дружке. А Крынкин гудит над ними. Я сую между ними голову, смотрю на Москву и слушаю:

— А Кремль-то наш... ах, хорош! — говорит отец, — Успенский, Архангельский... где же Чудов?.. что-то не различу? Панкратыч, Чудов разберешь?..

— А как же, очень слободно отличаю, розовеет-то... к Иван-Великому-то, главки сини!..

— Что за... что-то не различу я... а раньше видал отчетливо. Мелькается чуть... или глаза ослабли?..

А отец все на Москву любится...

И вижу я — губы у него шепчут, шепчут... — и будто он припоминает что-то... задумался.

И вдруг, — вычитывать стал, стишки! любимые мои стишки. Я их из хрестоматии вычитывал, а он — без книжки! и все, сколько написано, длинные-длинные стишки. Так все и вычитал, не запнулся даже:

Город чудный, город древний!

Ты вместил в свои концы

И посады, и деревни,

И палаты, и дворцы.

Я шепотком повторял за ним, и все-таки сбивался.

На твоих церквах старинных

Вырастают деревья,

Глаз не схватит улиц длинных, —

Это — Матушка-Москва!

Ведь это что ж такое!.. — ну, как в тиятрах!.. — ну, прямо!.. — всплескивает руками Крынкин — Сергей Иваныч... Господи!..

А он и не слышит, — вычитывает все лучше, громче. В первый раз я слышал, как он говорит стишки. Он любил насвистывать и напевать песенки, напевал молитвы, заставлял меня читать ему басни и стишки, но сам никогда не сказывал. А теперь, на Воробьевке, на высоте, над раскинувшейся в тумане красавицей-Москвой нашей, вдруг начал сказывать... — и как же хорошо сказывал! с такой лаской и радостью, что в груди у меня забилося, и в глазах стало горячо.

Кто, силач, возьмет в охапку

Холм Кремля-богатыря?

Кто собьет золотую шапку

У Ивана-Звоняря?..

Кто Царь-Колокол подымет?

Кто Царь-Пушку повернет?..

Шляпу кто, гордец, не снимет

У Святых в Кремле Ворот?..

И все-то стишки, до самого последнего словечка!

Град срединный... град сердечный...

Коренной... России... град!..

Он прикрыл рукой глаза — и стоял так, раздумчиво. И все притихли. А у меня слезы, слезы... с чего-то слезы. И вдруг, — Крынкин...

— Господи!.. Сергей Иваныч!.. в-вот уважили! Это что ж такое!.. — загремел он и за голову схватился. — В другой раз так меня уважили, за сердце прихватили!.. Да, ведь, это-то, прямо!.. во-от, куда дошло, в-вот!.. Ну, вся-то тут Расея наша!..

Тут Сонечка, которая много книг читала и много стишков знала, покраснела вся и говорит, будто она боится:

— Это... это они Пушкина читали... про Москву...

Отец и сказал:

— А ну, ну, Софочка, скажи еще про Москву... на Пушкина.

Она заробела-вспыхнула, а все-таки немножко вычитала, чуть слышно:

Но вот уж близко. Перед ними

Уж белокаменной Москвы

Как жар крестами золотыми

Горят старинные главы.

Ах, братцы!.. как я был доволен,

Когда церковей и колоколен...

И вдруг, сбилась, вся так и вспыхнула. А отец ей рукой — еще, еще!
Она поправила гребенку-дужку на головке — и вспомнила:

Когда церковей и колоколен,
Садов, чертогов полукруг
Открылся предо мною вдруг!
Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

— В-вот!.. — вдруг присел и, как из пушки, выпалил, прямо мне в ухо, весь красный Крынкин, — ну, в самую точку, барышня, угадали! Самое вот это — «А-ахх, братцы!». Сердце вынул, до чего же уважил Михал Провыч. Ну, все-то плакали, до чего мог пронять! Уж его обнимали-величали... народу набилось... Воробьевские наши забор у меня свалили, было дело. Я им говорю: «уважили, Михал Провыч, всю Москву нашу осветили!» А они мне — «это не я, это...» — вот тот самый, барышни-то сказали... Пушкин! Ну, что ни слово — в самый-то раз, алмаз! Всё для-ради нашей Матушки-Москвы! Сколько вы ее украшали, сколько вашей на ней заботы-работы было! мостики строили, бани строили, лиминации строили, коронации строили... Храм Спасителя батюшка ваш и дедушка строили... балаганы под Девичьим, «Ледяной Дом» ваш всю-то Москву дивил!.. И вот, прославили нам Москву.

Долго стояли мы у окон и любовались Москвой. Светилась она в туманце, широкая, покойная, — чуть вдруг всплеснет сверканьем. Так бы и смотрел, смотрел... не нагляделся бы.

«Это — Матушка-Москва».

Отрывок «Смоляные бочки»

И. Потапенко

Давно я заметил, что Влас в этот день возился с чем-то таинственным в пустом сарае. Он заходил в него и накануне. Это меня удивило. Мне было достоверно известно, что сарай пуст. Он так и назывался: "пустой сарай". А между тем Влас часто заходил в него и оставался там подолгу. Видел я также, что туда он однажды пронес, кажется, из кухни, — не из той, где священнодействовала Анисья, а из другой, где варилось для рабочих, — что-то большое и черное, и после этого по двору прошел приятный запах твердой смолы, которую у нас называют "шевской смолой". Этот запах, в связи с

пребыванием Власа в сарае, еще более раздражил меня, и я решил проникнуть в тайну "пустого сарая".

Итак, солнце уже собиралось зайти, когда мне в голову пришла твердая мысль проникнуть в "пустой сарай". Как раз в это время Влас вышел из него и, плотно притворив дверь, направился к конюшне. Я подбежал к нему.

– Влас, что ты там делаешь в пустом сарае? – спросил я.

Влас посмотрел на меня сверху вниз, и его густые брови шевельнулись.

– Что там делать? – проворчал он: – там нечего делать...

– А ты туда весь день ходишь.

– Туда нечего ходить! – сказал Влас и, очевидно избегая дальнейших расспросов, пошел в конюшню.

Но я тоже хорошо знал дорогу к конюшне и направился за ним. Здесь был полумрак, потому что конюшня освещалась только из двери, куда падало недостаточно света. Влас в это время стоял около серого мерина и разглаживал ему гриву. Он очень хорошо видел, что я стою на пороге, но, скользнув по мне взглядом, тотчас сделал вид, что не замечает меня. Между тем я уже в это время придумал свою хитрость.

– Завтра Пасха, Влас! – сказал я.

– Ну, да, Пасха... А то что ж?

– А Ивашка придет? – самым невинным образом спросил я.

– Ивашка? Что ему тут делать?

И Влас прикинулся, что ему в сущности все равно, придет Ивашка или нет.

– Пусть он придет! – сказал я.

– Чего он тут надоедать будет?

– Нет, пусть придет... Я попрошу отца, чтоб позволил.

– Попросите? – спросил Влас и на этот раз взглянул на меня более продолжительным взглядом.

– Я непременно попрошу... Я сегодня вечером попрошу... Я скажу, что мне хочется поиграть с Ивашкой... Ивашка славный мальчик! – прибавил я, желая окончательно завладеть сердцем Власа.

– Ивашка хороший! – сказал Влас, и я заметил, что толстые губы Власа слегка улыбнулись и в глазах его появилась какая-то мягкость,

С этого момента я мог уже считать, что дело мое выиграно; сердце Власа было открыто, надо было только пользоваться случаем. Я так и сделал.

– Влас, а что это там, в пустом сарае? – спросил я.

– А там... Да на что вам?

– Мне хочется знать...

– Вот, какие вы, приставальщики!..

– Я никому не скажу, Влас...

– Да там... да что ж там... Там ничего и нет... – попробовал еще раз Влас отделаться от меня. – Пустой сарай, известно, и есть пустой...

– Нет, там что-то есть... Ты туда носил что - то черное и смолой пахло...

– Смолой! Смола и пахнет смолой...

– Там смола?

– Ах, ты, Господи! Да бочки там! Ничего, кроме бочек, и нет...

– Бочки? – с величайшим любопытством спросил я.

– Бочки!.. Смоляные бочки, которые ночью будут гореть около церкви.

– Гореть? Зачем?

– А вы разве никогда не бывали в церкви в пасхальную ночь?

– Нет, никогда не был...

Я действительно никогда еще не присутствовал при этом служении. Как-то всегда случалось, что я в течение целого дня, в субботу, собирался непременно быть там с матерью и отцом, но вечером нечаянно безнадежно засыпал, и меня переносили в постель и не трогали до утра. Но я не знал, что в торжестве принимают участие бочки.

– Как же они горят? – любопытствовал я.

– Да так и горят... Ярко горят... За двадцать верст видно, как они горят.

– А зачем они в пустом сарае?

– Так... Чтоб никто не видел... Потому секрет... Ваш папаша каждый год смолит бочки. Я и в прошлом году смолил их.

– Покажи мне их, Влас, – умоляющим голосом сказал я. Влас покачал головой, но, видимо отказать мне не мог.

– Ну, идите уже... Я вам покажу.

И я пошел за ним в пустой сарай. Он притворил за собою дверь, и мы очутились в полнейшей темноте. Мне даже стало жутко.

Но Влас черкнул спичку и зажег свечу в фонарике. Тогда при тусклом свете фонаря я увидел целых четыре бочки. Это были самые обыкновенным бочки, каких я видел множество в своей жизни, которые почему-то – я и до сих пор не знаю почему – называются "сахарными бочками"; но они были совершенно черны и сильно блестели. Густой запах смолы наполнял сарай. На дне бочек, кроме того, был налит слой смолы, уже застывший, в целую четверть толщиной.

– Так это и есть смоляные бочки?

– Они самые. Как стемнеет, их повезут к церкви. Там их я поставлю за оградой, над самой речкой, и когда в церкви батюшка скажет: "Христос

Воскресе", певчие запоют громко "Христос Воскресе", я их тогда зажгу. Вот видите, здесь сверху пакля осталась, эту паклю я и зажгу, и бочки начнут гореть, а люди будут глядеть на огонь и радоваться!

На горке

Н. Носов

Целый день ребята трудились - строили снежную горку во дворе. Сгребали лопатами снег и сваливали его под стенку сарая в кучу. Только к обеду горка была готова. Ребята полили ее водой и побежали домой обедать.

- Вот пообедаем, - говорили они, - а горка пока замерзнет. А после обеда мы придем с санками и будем кататься.

А Котька Чижов из шестой квартиры хитрый какой! Он горку не строил. Сидит дома да смотрит в окно, как другие трудятся. Ему ребята кричат, чтоб шел горку строить, а он только руками за окном разводит да головой мотает, - как будто нельзя ему. А когда ребята ушли, он быстро оделся, нацепил коньки и выскочил во двор. Чирк коньками по снегу, чирк! И кататься-то как следует не умеет! Подъехал к горке.

- О, говорит, - хорошая горка получилась! Сейчас скачусь.

Только полез на горку - бух носом!

- Ого! - говорит. - Скользкая!

Поднялся на ноги и снова - бух! Раз десять падал. Никак на горку взобраться не может.

"Что делать?" - думает.

Думал, думал - и придумал:

"Вот сейчас песочком посыплю и заберусь на нее".

Схватил он фанерку и покатыл к дворницкой. Там - ящик с песком. Он и стал из ящика песок на горку таскать. Посыпает впереди себя, а сам лезет все выше и выше. Взобрался на самый верх.

- Вот теперь, - говорит, - скачусь!

Оттолкнулся ногой и снова - бух носом! Коньки-то по песку не едут! Лежит Котька на животе и говорит:

- Как же теперь по песку кататься?

И полез вниз на четвереньках. Тут прибежали ребята. Видят - горка песком посыпана.

- Это кто здесь напортил? - закричали они. - Кто горку песком посыпал? Ты не видал, Котька?

- Нет, - говорит Котька, - я не видал. Это я сам посыпал, потому что она была скользкая и я не мог на нее взобраться.

- Ах ты, умник! Ишь что придумал! Мы трудились, трудились, а он - песком! Как же теперь кататься?

Котька говорит:

- Может быть, когда-нибудь снег пойдет, он засыплет песок, вот и можно будет кататься.

- Так снег, может, через неделю пойдет, а нам сегодня надо кататься.

- Ну, я не знаю, - говорит Котька.

- Не знаешь! Как испортить горку, ты знаешь, а как починить, не знаешь! Бери сейчас же лопату!

Котька отвязал коньки и взял лопату.

- Засыпай песок снегом!

Котька стал посыпать горку снегом, а ребята снова водой полили.

- Вот теперь, - говорят, - замерзнет, и можно будет кататься.

А Котьке так работать понравилось, что он еще сбоку лопатой ступеньки проделал.

- Это, - говорит, - чтоб всем было легко взбираться, а то еще кто-нибудь снова песком насыплет!

Мальчик из Холмогор (отрывок)

О. Турьян

«Ухожу я», — говорит. — Прощай, Фома Иванович! Спасибо тебе, вовек не забуду».

«Прощай, Михайло», — говорю. — Как же ты идёшь? И котомки у тебя не видать».

«Всё моё при мне, — отвечает. — Две рубахи надеты и нагольный тулуп, а две книжки любимые за пазухой».

Обнялись мы с ним, простились, и он ушёл. Всё, слышу, скрипит снег, скрипит всё тише, и вовсе ничего слышать не стало.

— Дедушка, а он догнал обоз? — спросил Андрейка, когда Фома Иванович замолчал.

— Догнал, милый. На третий день догнал, да приказчик отказался его с собой взять. Другой бы обратно вернулся, а Михайло Васильевич стал дожидаться. В монастыре псалтырь читал, его за это кормили. А вскоре дождался он другого обоза и с ним уже пошёл в Москву.

— Каково ему, сердечному, было от родного дома, от отцова хозяйства столько вёрст за санями по морозу вышагивать! — сказала, горестно вздохнув, бабушка Евфимия.

— Не горюй, мамаша, — ответил Иван Афанасьевич. — Всё по-хорошему кончилось.

— А я тоже так пошагаю? — испуганно спросил Миша. — За санями по морозу?

— По морозу — это хорошо! — сказал Фома Иванович. — Морозец, он бодрит. Лишь бы валенки целые были. Я сам, моложе был, сколько вёрст отшагал.

— Маменька, а у меня валенки целые? — спросил Миша. — Прошлогодние-то я проносил, помнишь?

— Да что ты, Фома Иванович, что ты, Мишенька! Разве мы с отцом тебя так отпустим? С отцовского согласия парнишка едет, а не против его воли. И я, небось, ему родная мать, а не мачеха, — ответила Марья Васильевна. — И не нужно это вовсе. Как можно? Нет, как санный путь станет, пойдёт в Петербург обоз с рыбой. А обоз поведёт хороший человек — Евсею Фёдоровичу давнишний знакомый, Иван Макарыч. Может, вы его тоже знаете? Из Холмогор он. Уж мы с ним договорились, и он обещает Мишеньку доставить и сдать Михайлу Васильевичу на руки в целости.

— В целости — это хорошо! — сказал Фома Иванович, и все засмеялись.

А Миша посмотрел матери в лицо и, увидев, что она улыбается, тоже засмеялся.

— Марья Васильевна, уже весь обоз прошёл, одни наши сани остались», — сказал Иван Макарыч и, ловко обхватив Мишу, поднёс его к матери, чтобы она могла его благословить. — Долгие проводы — лишние слёзы.

Заплаканный, с распухшим от слёз лицом, Миша обеими руками ухватился за матушку и не мог оторваться. Марья Васильевна, уже выплакавшая все слёзы, болезненно улыбаясь, отводила его руки.

— Мишенька, не надо! Сынок мой родной, пора! Прощай, голубчик мой! — А сама, обхватив его, ещё крепче прижимала к себе.

— Марья Васильевна, прощайся, пора! — повторил Иван Макарыч.

— Прощай, Мишенька! Будь хорошим! — проговорила Марья Васильевна.

— Прощай, сынок! — сказал отец.

Иван Макарыч усадил Мишу на передок саней и хлестнул лошадей. Миша, повернувшись спиной к лошади, ещё увидел, как матушка качнулась, а отец подхватил её и повёл к дому.

Тут сани повернули, и родители скрылись с Мишиных глаз. Миша свернулся комочком и застыл молча, только иногда вздрагивая.

Иван Макарыч бежал рядом с санями, погоняя лошадей и изредка поглядывая на Мишу. Когда выехали за околицу и догнали обоз, он прыгнул в сани, достал из-за пазухи кусок пирога и сунул его Мише:

— Может, покушаешь?

Но Миша дёрнул плечом, не подымая головы. Прошло ещё несколько времени, и Иван Макарыч сказал:

— Смотри, Мишенька, сполохи играют.

— А пусть! — ответил Миша.

— А я бы на твоём месте посмотрел. Подыми голову-то, — сказал Иван Макарыч. — Может, таких и не увидишь больше. В Петербурге бывают, да слабее. Вот приедешь в Петербург, Михайло Васильевич спросит: «Сполохи видал?» А ты ответишь: «А пусть». Это ему не понравится.

— Почему? — спросил Миша и поднял голову.

— А как же? Он сам до чего на них смотреть любил! Как разгорится сияние, он выбежит из дому, ляжет наземь, на спину, и неотрывно на небо глядит. И как уже потухнет свет, а Михайло Васильевич всё ещё лежит и смотрит. Растолкают его, растормошат, он очнётся, подыметя, уйдёт в дом... Смотри, Миша, уж зори отыграли, стали лучи раскидывать.

Миша поднялся и посмотрел на небо. По всему небу бежали молочно-белые лучи. Они становились всё ярче, краснели, зеленели, и радужные столбы заиграли, сдвигаясь и раздвигаясь, наливаясь багрянцем. Потом замерцали, словно задышали, бледнея и вспыхивая, и погасли.

Миша вздохнул и прошептал:

— Мне есть захотелось! Ты давеча предлагал...

— А поешь, поешь, милок! — поспешно ответил Иван Макарыч и сунул ему пирог. — Вот приедем на ночлег, щи с рыбой есть будем, жирные.

Миша вздохнул и спросил:

— А зачем Михайлу Васильевичу сполохи нужны?

— А ему всё нужно. Он всё знает. Он в небе все звёзды пересчитал и дно морское сквозь воду рассмотрел. Он ночью видит, как днём, и приковал гром к высокому столбу. Мудрый человек! Но ты его не бойся!

— Я не боюсь, — сказал Миша. — Я тоже научусь звёзды считать и узнаю, отчего столбы на небе играют и на чём радужный мост стоит.

Хлеб той зимы (отрывок «Олады из кофейной гущи»)

Э. Фонякова

Бадаевские склады, Бадаевские склады!..

Опустели полки гастрономов и булочных, мясных и бакалейных. Только на витринах по-прежнему, дразня аппетит, соблазнительно красуются

бутафорские коробки шоколада, пирожные, торты, окорока, рыбины и муляжи розовых поросят, одетых в поварские колпачки. Поросята самоотверженно протягивают прохожим круглое блюдо с бежевыми свиными сосисками. Добродушная поросычья ухмылка сейчас воспринимается как издевательство.

Так же прочно, как обстрелы, входят в ленинградский быт продуктовые карточки. У родителей они — зелененькие, «служащие», у тети Юли — желтая, иждивенческая, у меня, розовая, детская. Новые карточки очень красивы — гляцевитая плотная бумага и много-много аккуратных квадратиков, на которых чернеют цифры: 50, 100, 125, 150, 200, 300... Это — граммы: хлеба, сахара, крупы. Когда смотришь на новые карточки, кажется, что этих граммов — уйма.

Но когда «отоваришься» в магазине, то груз в кошелке почти невесом...

Карточки сразу становятся в нашем доме главной вещью. Их держат под ключом, в полированной дубовой — еще дедушкиной работы — шкапулке. Я не смею прикасаться к ним. Папа тоже не смеет.

Как-то совсем незаметно растаяла наша чечевица. За ней исчез крахмал.

Из него мама смастерила клейкие синеватые вареники. И я — завзятая капризуля и привереда — ела их и только нахваливала! Меня часто терзают запоздалые угрызения совести. Подумать только: до войны я отказывалась от котлет и жареной картошки! Часами, бывало, застревала за тарелкой.

Специально застревала. Чтобы дожидаться, когда взрослые уйдут на кухню мыть посуду. Они уходили, а я хватала котлеты — горячие! Румяные! Сочные!

Настоящие! Из мяса! — и запихивала их глубоко под диван. В квартире потом развелась масса мышей, диван, в поисках нор, отодвинули с места и, конечно, обнаружили мое преступление. Б-р-р-р! Страшно вспомнить, что тут было! И правильно! Так мне и надо. Жаль, что мало в углу держали!

Сейчас меня упрашивать уже не приходится. Мигом поглощаю свою порцию, которая с каждым днем все меньше, и тут же снова зверски хочу есть.

Что приготовить на обед? На ужин? Из чего приготовить? Где взять ТО, из чего готовят обеды и ужины? Эти мудреные проблемы маме решать все тяжелее.

Бережно сохраняются редкие очистки от столь же редких картофелин. Отмытые и перемолотые, сдобренные остатками крахмала, очистки очень вкусны. Кофе давно уже выпит. Из кофейной гущи испечены черные-

пречерные, горькие-прегорькие оладьи. Мы угощаем ими соседей. Ирочкина мама открывается наотрез — у них водится настоящая мука, они, как говорит папа, запаслись «прилично». Нюра — пробует.

И в ответ предлагает нам студня. Студень какой-то небывалый: мутный, грязного вида и очень пахучий, если не выразиться сильнее.

— Из чего это, Нюрочка? — опасливо спрашивает мама, отдавая кусочек.

— Из чего, из чего! Из столярного клея, вот из чего, — смеется Нюра.

— А что? Все мясной дух.

И вручает нам волнистую коричневую пластинку клея. Ее нужно мелко крошить, залить водой и долго варить.

— Возьмите, возьмите, не стесняйтесь, мужика своего подкрепите, — щедро угощает Нюра.

Ночь тиха. По тверди зыбкой

А. А. Фет

Ночь тиха. По тверди зыбкой
Звезды южные дрожат.
Очи Матери с улыбкой
В ясли тихие глядят.

Ни ушей, ни взоров лишних,
Вот пропели петухи —
И за Ангелами в вышних
Славят Бога пастухи.

Ясли тихо светят взору,
Озарен Марии лик.
Звездный хор к иному хору
Слухом трепетным приник.

И над Ним горит высоко
Та звезда далеких стран:
С ней несут цари востока
Злато, смирну и ливан.

Божий дар

Ф.М. Достоевский

Крошку-Ангела в сочельник

Бог на землю посылал:
«Как пойдешь ты через ельник, –
Он с улыбкою сказал, –
Елку срубишь, и малютке
Самой доброй на земле,
Самой ласковой и чуткой
Дай, как память обо Мне».

И смутился Ангел-крошка:
«Но кому же мне отдать?
Как узнать, на ком из деток
Будет Божья благодать?»
«Сам увидишь», – Бог ответил.
И небесный гость пошел.
Месяц встал уж, путь был светел
И в огромный город вел.

Всюду праздничные речи,
Всюду счастье деток ждет...
Вскинув елочку на плечи,
Ангел с радостью идет...
Загляните в окна сами, –
Там большое торжество!
Елки светятся огнями,
Как бывает в Рождество.

И из дома в дом поспешно
Ангел стал переходить,
Чтоб узнать, кому он должен
Елку Божью подарить.
И прекрасных, и послушных
Много видел он детей. –
Все при виде Божьей елки,
Всё забыв, тянулись к ней.

Кто кричит: «Я елки стою!»
Кто корит за то его:
«Не сравнишься ты со мною,
Я добрее твоего!»

«Нет, я елочки достойна
И достойнее других!»
Ангел слушает спокойно,
Озирая с грустью их.

Все кичатся друг пред другом,
Каждый хвалит сам себя,
На соперника с испугом
Или с завистью глядя.
И на улицу, понурясь,
Ангел вышел... «Боже мой!
Научи, кому бы мог я
Дар отдать бесценный Твой!»

И на улице встречает
Ангел крошку, – он стоит,
Елку Божью озирает, –
И восторгом взор горит.
«Елка! Елочка! – захлопал
Он в ладоши. – Жаль, что я
Этой елки не достоин
И она не для меня...

Но неси ее сестренке,
Что лежит у нас больна.
Сделай ей такую радость, –
Стоит елочки она!
Пусть не плачется напрасно!»
Мальчик Ангелу шепнул.
И с улыбкой Ангел ясный
Елку крошке протянул.

И тогда каким-то чудом
С неба звезды сорвались
И, сверкая изумрудом,
В ветви елочки впились.
Елка искрится и блещет, –
Ей небесный символ дан;
И восторженно трепещет

Изумленный мальчуган...
И, любовь узнав такую,
Ангел, тронутый до слез,
Богу весточку благую,
Как бесценный дар, принес.

Рождественское

Саша Чёрный

В яслях спал на свежем сене
Тихий крошечный Христос.
Месяц, вынырнув из тени,
Гладил лен его волос...
Бык дохнул в лицо младенца
И, соломою шурша,
На упругое коленце
Засмотрелся, чуть дыша,
Воробьи сквозь жерди крыши
К яслям хлынули гурьбой,
А бычок, прижавшись к нише,
Одеяльце мял губой.
Пес, прокравшись к теплой ножке,
Полизал ее тайком.
Всех уютней было кошке
В яслях греть дитя бочком...
Присмиривший белый козлик
На чело Его дышал,
Только глупый серый ослик
Всех беспомощно толкал.
«Посмотреть бы на ребенка
Хоть минуточку и мне!»
И заплакал звонко-звонко
В предрассветной тишине...
А Христос, раскрывши глазки,
Вдруг раздвинул круг зверей
И с улыбкой, полной ласки,
Прошептал: «Смотри скорей!..»

Моя бабушка

Р. Рождественский

Со мною бабушка моя,
И значит, главный в доме — я,
Шкафы мне можно открывать,
Цветы кефиром поливать,
Играть подушкой в футбол
И полотенцем чистить пол.
Могу я есть руками торт,
Нарочно хлопать дверью!
А с мамой это не пройдёт.
Я уже проверил.

Колыбельная для сестры

А. Барто

Старший брат сестру баюкал:
— Баюшки-баю!
Унесем отсюда кукол,
Баюшки-баю.
Уговаривал девчушку
(Ей всего-то год):
— Спать пора,
Уткнись в подушку,
Подарю тебе я клюшку,
Встанешь ты на лед.
Баю-баюшки,
Не плачь,
Подарю
Футбольный мяч,
Хочешь —
Будешь за судью,
Баю-баюшки-баю!
Старший брат сестру баюкал:
— Ну не купим мяч,
Принесу обратно кукол,
Только ты не плачь.
Ну не плачь, не будь упрямой.
Спать пора давно...
Ты пойми — я папу с мамой
Отпустил в кино.

Перечень произведений

1. Анна Старостина Сказка про непослушного Алёшу
2. Василий Сухомлинский и Лесной домик
3. Толстой Л.Н. Муравей и голубка
4. Эвенкийская сказка Росомаха и лисица
5. Русская народная сказка Алёнушка и лиса
6. Злая Волшебница
7. Носова Галина Сказка про краски.
8. Михаил Лермонтов Ангел
9. Олеся Емельянова Что такое хорошо, и что такое плохо
10. Ф. Тютчев Есть в осени первоначальной
11. А.С. Пушкин Уж небо осенью дышало
12. Богатырская сказка Илья Муромец и Соловей – разбойник
13. Алёша Попович и Тугарин Змей Былина
14. Богатырская сказка Никита Кожемяка
15. Былина в пересказе для детей И.В. Карнауховой На заставе богатырской
16. Королев Алексей Сказка про Деда Мороза и Снегурочку
17. Н. Некрасов Перед дождём
18. Стихи о шахтёрском труде
19. Демькина Галина Мама
20. А.Н. Плещеев В бурю
21. С.А. Есенин Пасхальный благовест
22. Стихотворение - игра «Наша Родина сильна»
23. К.Д. Ушинский Сиротка Ваня
24. Е. Ивановская Предание о первой рождественской ёлке
25. Николка Е. Поселянин
26. Б. Ганаго Милосердие
27. Мария Дружкова Сказка о добре и зле
28. Пословицы и поговорки
29. Дарья Александровна Потыкан Петина жадность (терапевтическая сказка)
30. Юлия Лавренченко Самый-самый
31. Иванова Елена Николаевна Сказка для детей "Маленькая звездочка"
32. Королев Алексей -Лев Коро Сказка про Деда Мороза и Снегурочку
33. Орлова Ольга Анатольевна Князь Владимир – Красно солнышко
34. Богданова Анастасия Финансовая грамотность со сказочными героями «Три поросенка»

35. Т. Вершинина Журавль
36. Б. Споров Рождество (из книги «Добрый старичок»)
37. К. Ушинский Хлеб
38. Л.Н. Толстой Старый дед и внучек
39. В. Сухомлинский Именинный обед
40. В.А. Осеева Волшебное слово
41. Саша Чёрный Рождественский ангел
42. И. Потапенко Отрывок «Смоляные бочки»
43. Н. Носов На горке
44. О. Турьян Мальчик из Холмогор (отрывок)
45. Э. Фонякова
46. Хлеб той зимы (отрывок «Оладьи из кофейной гущи»)
47. А. А. Фет Ночь тиха. По тверди зыбкой
48. Ф.М. Достоевский Божий дар
49. Саша Чёрный Рождественское
50. Р. Рождественский Моя бабушка
51. А. Барто Колыбельная для сестры